

ОТДѢЛЪ II.

1. КРИТИКА.

Παλαιολογία καὶ Πελοποννησιακά, ἐξ ἑκατὸν καὶ ὑπερέκεινα βιβλιοθηκῶν καὶ ἀρχείων νῦν τὸ πρῶτον τὰ πλείιστα ἐκδιδόμενα ὑπὸ Σπυρ. Π. Λάμπρου. Τ. Α'—Β'. Ἐν Ἀθήναις — Λειψία. 1912.

Новое изданіе проф. Ламброса обнимает собою памятники, относящіеся къ борьбѣ православной и національной партіи въ Византіи противъ уніи и подчиненія Западу, къ какимъ неизбѣжно приводила восточную имперію турецкая опасность. Въ эту тяжелую для національнаго самосознанія пору, когда территория когда-то обширной греческой державы сѣзусилась до предѣловъ нѣкоторыхъ областей собственной Греціи и о-вовъ, Θρακίи и Македоніи (см. Анонимъ, въ нач. I-го тома новаго изданія Ламброса, перечисленіе областей греческаго языка, если и не всегда — во власти византійскаго императора, *σελ.* 9), когда православію приходилось утѣшаться лишь тѣмъ, что господство КП. церкви признается и Россіей, и Молдовлахіей, и многими мелкими племенами Кавказа (см. тамъ же), когда „червонцы папы“ тяжело ложились на вѣсы при выборѣ Византіей ея политики (см. слова Марка Евгеника, въ письмѣ къ Геннадію Схоларію, *Λάμπρος, Τ. Α' σελ.* 30, 14 *ἐὰν μὴ Κύριος φυλάξῃ τὴν ἡμετέραν πόλιν, εἰς μάτην ἠγγύλησαν οἱ διὰ τῶν χροσίνων τοῦ πάπα ταύτην φυλάσσοιτες*, срв. также слова Іоанна Евгеника, „Къ императору Константину“, *Λάμπρος, Τ. Α' σελ.* 127, 11 о томъ, что вся знать рѣшила добиваться уніи „ради триеръ, червонцевъ и западной помощи“; и тѣ же „червонцы“, наконецъ, фигурируютъ въ письмѣ 18 Георгія Схоларія, *Λάμπρος, Τ. Β' σελ.* 255, 28 какъ предметъ заботы лица, претендовавшаго на престолъ, какъ напредѣнная основа власти), были еще предпринимаемы попытки возрожденія на національной почвѣ, возстановленія благосостоянія народныхъ массъ, какъ необходимаго условія прочности государства, роста его матеріальныхъ средствъ, освобожденія отъ зависимости отъ иностранной подмоги. Такова была дѣятельность въ Пелопоннисѣ Константина Палеолога послѣ его побѣды въ Патрахъ, въ качествѣ дес-

пота Пелопонниса, въ 1430 г. (срв. *Λάμπρος, Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος, Τ. VI, ἐν Ἀθήραις, 1908, σελ. 794—795, σελ. 884 καὶ τὰ ἐ.,* глава подъ заглавіемъ „Освободительное дѣло Константина“, *σελ. 892 καὶ τὰ ἐ.,* о литературныхъ дѣятеляхъ эпохи). Къ этой порѣ относится и программа политической и социальной реформы Гемиста Плевона и подобная же Виссаріона, представленная послѣднимъ Константину Палеологу между 1443—1446 г. (*Λάμπρος, Ἱστορία τ. Ἐ. Τ. VI, σελ. 897*). Болѣе практичный, чѣмъ Гемистъ (о немъ Hertzberg, *Gesch. Griechenlands II, S. 431 f.* и цитуемая тамъ литература), Виссаріонъ указывалъ въ своемъ докладѣ на необходимость подъема различныхъ видовъ промышленности въ Пелопоннисѣ, стекляннаго, шелковаго, шерстяного, красильнаго, также предлагалъ рядъ мѣръ къ оживленію занятій древнею греческою литературою и ея преподаванію.

Первый документъ, открывающій первый томъ новаго изданія Ламброса, принадлежитъ перу сторонника уніи и содержитъ увѣщаніе собору и разъясненіе ему важности его задачи. Кромѣ перечисленія областей Греціи, Балканскаго полуострова, острововъ, племень Кавказа, Молдовлахіи, Влахіи Вел., Россіи — всѣхъ областей, признающихъ господство КП. церкви, изъ историческихъ указаній отмѣтимъ здѣсь указаніе на 100-лѣтнюю войну между Англіей и Франціей, *σελ. 13*, приводимую авторомъ въ числѣ примѣровъ вреда распри. „Миръ, говоритъ неизвѣстный авторъ, въ другомъ мѣстѣ, *σελ. 7*, царилъ въ церкви Христовой свыше, думаю, тысячи лѣтъ, но потомъ, не знаю откуда, подулъ завистливый и злоначальный демонъ на церковь Христову и воздвигъ на нее бурю обвиненій не подобающихъ, не значительныхъ, не повреждающихъ существо ученія каждой изъ сторонъ, раздуваетъ расколъ, пользуясь благопріятностью обстоятельствъ“. Здѣсь говорится о внутреннемъ разладѣ въ самомъ государствѣ; затѣмъ послѣ недолгаго примиренія сторонъ, — о новомъ раздѣленіи церквей. Въ довольно неопредѣленныхъ и общихъ выраженіяхъ автора имѣется въ виду сначала, очевидно (миръ господствовалъ *χρόνους χιλίους καὶ πρὸς*), раздѣленіе церквей при Михаилѣ Керуларіи въ іюль 1054-го г. (L. Bréhier. *Le schisme oriental, Paris. 1899, pgg. 91—125*). Что касается попытокъ примиренія, авторъ могъ имѣть въ виду и попытки Алексѣя Комнина, и Ліонскій соборъ.

Трудно съ увѣренностью сказать, кому изъ дѣятелей времени уніи принадлежитъ данное посланіе. Одно характерное выраженіе Анонима: *ἀναβάσεις ἐν τῇ καρδίᾳ ἡμῶν θέμενοι* встрѣчаемъ два раза у Іоанна Евгеника, произведенія коего наполняютъ большую часть I-го тома настоящаго изданія: *pg. 73, 9 πνευματικὰς ἀναβάσεις ἐν τῇ καρδίᾳ διατιθέμενοι* и *pg. 175, 8 κατὰ τὸν ἀναβάσεις διατιθέμενον*.

Трудно сказать, кому принадлежитъ это обращеніе къ синоду. Хотя оно призываетъ къ единенію церквей, но оно могло быть написано сторонникомъ православія въ то первое время переговоровъ, когда

еще не опредѣлилось притязаніе латинской церкви на подчиненіе своему ученію греческой (см. перечисленіе отправившихся въ Италію, вмѣстѣ съ патріархомъ Іосифомъ, представителей греческой церкви, *Λάμπρος*, *σελ.* 834).

Вслѣдъ за произведеніемъ Анонима въ первомъ томѣ новаго изданія помѣщены посланія ефесскаго митрополита Марка (въ мірѣ Мануила, *Λάμπρος*, *Ἱστορία τ. Ἑλλ.* VI, pg. 835) Евгеника, одного изъ авторитѣйшихъ противниковъ уніи, завѣтамъ коего слѣдуетъ потомъ его братъ Іоаннъ, въ 1438 г. номофилаксъ патріарха, много потрудившійся въ защиту православія и перомъ.

Письмо его патріарху, сообщая о глубокомъ возмущеніи его событіями, — дѣло идетъ, очевидно, объ успѣхахъ уніи, — призываетъ владыку греческой церкви къ стойкой борьбѣ и съ внѣшними врагами, и своими „лжехристіанами и врагами Св. Духа“ (*σελ.* 18, 15). Въ письмѣ къ іеремонаху на о-вѣ Имбросѣ (*Λάμπρος*, *Ἱστορία τ. Ἑ.* VI, pg. 866) Теофану Маркъ говоритъ о томъ, что его письмо было ему утѣшеніемъ въ постигшихъ его невзгодахъ, „что почтенные и возвышенные сверхъ своего достоинства Божьею Церковью люди опозорили и испортили, давъ общеніе въ ней людямъ, давно отъ нея отсѣченнымъ и сгнившимъ и подверженнымъ безсчетнымъ анаѳемамъ, и этимъ общеніемъ съ ними опорочивъ безпорочную Христову невѣсту“ (pg. 19, 6—11). Въ виду враждебнаго отношенія къ православной партіи и самого императора, Маркъ не рѣшается и не считаетъ безопаснымъ передать ему сочиненіе (*τὸ σύνταγμα*) Теофана, т. к. такая передача не можетъ имѣть иного результата, чѣмъ издѣвательство и осмѣяніе.

Второе письмо митрополита Марка Евгеника къ тому же Теофану относится къ той порѣ, когда послѣ тайнаго отъѣзда изъ Константинополя (уже по возвращеніи изъ Италіи, гдѣ участіе въ 5 заключительныхъ засѣданіяхъ собора во Флоренціи было возбранено Марку самимъ императоромъ, *Λάμπρος*, *σελ.* 845), онъ и въ Ефесѣ не нашелъ возможности остаться вслѣдствіе нападковъ на враговъ и вознамѣрился удалиться на Св. Гору. На дорогѣ, на Лемносѣ, онъ былъ арестованъ по приказу императора и сосланъ, куда, мы не узнаемъ изъ даннаго письма, сообщающаго объ обстоятельствахъ ареста. Заявляя, что его сторонники не считаютъ христіанами отступниковъ отъ православія и отеческихъ установленій и не желаютъ свершать съ ними богослуженіе, Маркъ обзываетъ здѣсь презрительнымъ прозвищемъ „мальчишки (*κοπελίδριον*) изъ Монемавасіи“ латинствующаго аеинскаго епископа Фантина (*Λάμπρος*, *Ἱστορία τ. Ἑλλ.* VI, pg. 864). Къ Теофану Маркъ обращается здѣсь какъ къ „Божьему человѣку, другу истины и подлинному ученику св. Исидора“. Гнѣвъ Божій постигъ КП. за свершаемыя тамъ беззаконія. „Знай, пишетъ Маркъ, что лжеединеніе готово распасться милостью и силою Божіей и догматъ латинянь, вмѣсто того, чтобы быть укрѣпленнымъ лжесоборомъ, о чемъ они старались, еще болѣе

ниспровержень, обличень и всюду выставлень на позоръ, какъ богохульный и нечестивый, и тѣ, кто его утвердили, и рта разинуть не дерзають въ его защиту“. Также безсильнымъ является и „безумецъ изъ Монемваси“. Братія его монастыря не поминаетъ его какъ игумена и не кадитъ ему какъ христіанину, но поддерживаесть съ нимъ лишь дѣловыя отношенія какъ съ какимъ то консуломъ (такъ: *κοῦσουλων* въ рукк., Dräseke предлагалъ: *κοῦντουρον*). Письмо заканчивается призывомъ православнымъ противъ папы: „Я, грѣшный Маркъ, говорю вамъ, что тотъ, кто поминаетъ папу какъ православнаго архіерея, подверженъ выполнению всего латинства, до самой стрижки бороды, и, латинствуя, осужденъ будетъ съ латинянами и причтенъ будетъ къ отступникамъ отъ вѣры“.

Оба послѣднія письма уже были изданы Димитракопуломъ въ *Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος* и *Ἱστορία τοῦ σχίσματος*, и Dräseke, въ *Zeitschrift f. Kirchengeschichte*, XII Bd. (1890), по тѣмъ же Мюнхенскимъ рукописямъ, которыми пользуется проф. Ламбросъ.

Издаваемое Ламбросомъ по рукописи Эскуриальской библиотеки письмо Марка игумену Ватопедскаго монастыря на Аѳонѣ, связано, очевидно (см. pg. 24, *τὴν πρὸς ὑμᾶς ὁδὸν ἐρχόμενος*), съ тѣмъ же путешествіемъ Марка, о которомъ шла рѣчь въ началѣ предшествующаго письма. Маркъ говоритъ о своихъ надеждахъ еще увидать „милое и честное лицо“ игумена, о гостепріимномъ приѣмѣ „здѣсь“ братіей. Т. к. путь Марка уже „прерванъ сатаною“ (см. pg. 24, 14), то, ясно, дѣло идетъ о мѣстѣ ссылки Марка.

И это посланіе осуждаетъ лжесинодъ (pg. 25, 27), увѣщаетъ монаховъ избѣгать „вводителей (*εἰσῆγητάς*) и утвердителей латинскаго новшества“ (pg. 26, 5).

Посланіе къ Геннадію Схоларію, издаваемое по тремъ рукописямъ, упомянутой Эскуриальской, Московской Синодальной и Аѳинской Национальной библиотеки, было извѣстно раньше въ печати въ изданіяхъ Льва Аллація и Димитракопула. Въ этомъ письмѣ Маркъ укоряетъ Геннадія за его измѣну истинѣ подъ влияніемъ однихъ угрозъ, можетъ быть, и обѣщаній даровъ и почестей. Горько оплакиваетъ Маркъ эту измѣну. Если Геннадій станетъ оправдываться тѣмъ, что его поворотъ въ вѣрованіи не есть поворотъ въ противную сторону, а только средній путь, то Маркъ настаиваетъ на томъ, что и малое уклоненіе отъ истины есть уже впаденіе въ ложь. Не можетъ быть середины между свѣтомъ и тьмою, какихъ то сумерекъ или середины истины. *Μεσότης* и *διπλόη* не должны соблазнять православныхъ. Снова здѣсь осуждаетъ Маркъ лжеименный синодъ, съ котораго взыщется кровь губящихъ душу свою, соблазненныхъ имъ. Что касается политическихъ цѣлей уніи, Маркъ увѣряетъ: „Если Господь не сохранитъ нашъ городъ, тщетно бодрствовали тѣ, кто его оберегали путемъ золотыхъ папы“ (pg. 30, 14—15). Въ молитвѣ своей за царя (pg. 31) Маркъ

тоже полагаетъ свою надежду только на Бога: „Подчини ему кровава- жадныя и вражескія племена и поверни, Господи, удачу ихъ, чтобы не стерли они насъ въ конецъ и не стать намъ какъ въ началѣ, когда ты не правилъ нами и не призываемо было на насъ святое и покло- няемое имя Твое“.

Предсмертныя проповѣди Марка Евгеника Ефесскаго представля- ютъ какъ бы завѣщаніе твердаго поборника православія, который не желаетъ участія латинствующаго духовенства и въ похоронахъ своихъ (pg. 35, 5 sqq.). Онъ обращается къ Георгію Схоларію, по объясненію въ замѣткѣ на полѣ Московской рукописи (по каталогу Владимира, 245), тогда государственному секретарю императора (*δ παρὰ μὲν λατί- νοις λέγεται καντζελάριος καὶ σεκρετάριος, παρὰ δὲ Ῥωμαίοις πρωτασκή- της*, pg. 36 s. t.). Зная его съ ранней его юности и питая къ нему великое расположение и любовь, смотря на него какъ на сына и друга, Маркъ въ немъ одномъ видитъ человѣка способнаго подать руку помощи правой вѣрѣ, „обуреваемой насиліями людей, повредившихъ точность дог- матовъ“ (pg. 37, 13—14). Если онъ не захочетъ прятать свѣтильникъ подъ сосудомъ, и уступать самъ обстоятельствамъ, онъ можетъ направ- ить церковь на прямой путь.

Въ отвѣтѣ своемъ, pg. 40 sq., Схоларій, оправдываясь въ томъ, что „при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ не вступалъ открыто въ ту борьбу, какую предпринимала твоя святость“ (т. е., Маркъ), заявляетъ, что въ настоящую пору выступаетъ самымъ чистымъ и явнымъ бор- цомъ за истину.

Заканчивается это собраніе произведеній Марка Ефесскаго тремя надгробными стихотвореніями въ честь него, изъ коихъ текстъ перваго дошелъ въ рукописи Иверскаго монастыря на Аѳонѣ въ весьма неудов- летворительномъ видѣ.

Остальная, гораздо бѣльшая часть перваго тома изданія отведена сочиненіямъ Іоанна Евгеника, брата Марка.

Это собраніе открывается двумя риторическими произведеніями въ жанрѣ такъ называемыхъ *ἐκφράσεις*: восхваленіемъ Коринѳа и опи- саніемъ деревни. Что касается послѣдней, разумѣется Петрина (*Λέμπ- ρος, Ἱστορία τ. Ἑλλ. VI 895*). Описаніе это, изданное раньше въ *Λεβένιον τῆς ἱστορ. καὶ ἐθνολ. ἐταιρείας τ. Ἑλλάδος. Τ. Α'*, Ламбро- сомъ издается по рукописи Моск. Синод. бібліотеки и рукописи Свято-Гробской (метохія Св. Гроба въ КП). Оно не лишено указаній на мѣстныя условія: соляное производство, pg. 51, 6 *ἀλῶν δημιουργία*, слѣды древняго поселенія, мѣстопробыванія по древнему преданію Менелая и Елены, съ слѣдами стѣны, башенъ, театра, древнѣйшихъ жилищъ, обломками статуй (pg. 51, 9—12), топографическія данныя (pg. 52, 14—17, гора Св. Иліи и др.); цѣлебные источники (pg. 53); башни и храмы (pg. 54, 19—54, 10). Характерно описаніе башни или замка, для поры, когда латинское государство распространило феодальныя

обычаи и на Пелопоннискѣ: „Высокая башня посреди холма и деревни, утвержденная въ воздушномъ пространствѣ, озирающая начальническимъ окомъ все кругомъ, подобно орлу, царственной птицѣ, сидящему на вершинѣ дуба или тополя и величающагося въ средѣ окружающихъ его мелкихъ пташекъ“ . . .

Слѣдуютъ двѣ увѣщательныя рѣчи (*παράμνητικοί*) номофилакса Иоанна діакона Евгеника, одна къ владыкѣ (Константину), другая къ его супругѣ, по поводу смерти вдовствовавшей государыни Ирины (*Αάμπρος, Ἰστ. τ. Ελλ. VI σελ. 687. Hertzberg, II, s. 537, Anm. 1, обь Иринѣ (Еленѣ), дочери серб. деспота Константина Драгаши, передъ смертью принявшей монашество, съ именемъ Ὑπομονή, Αάμπρος, ibid., pg. 930*). Ирина умерла 23 марта 1450 г. Приведши три основанія, по числу лицъ Св. Троицы, къ терпѣнію (*ὕπομονή*, мож. б., съ намекомъ на имя покойной въ монашествѣ, pg. 57, 24) и крѣпости духа (въ этомъ смыслѣ, повид., *μεγαλοψυχία* здѣсь): высокія достоинства покойной; потому воля божественнаго Провидѣнія въ ея смерти особенно должна быть признана; затѣмъ — ея долгое служеніе на пользу общественную и на порогѣ старости избавленіе отъ ея тяготъ; наконецъ, непоправимость потери и потому нераціональность неумѣренной печали и горя, — „нельзя измѣнить положенныхъ предѣловъ природы“, ораторъ призываетъ государя подражать вѣрѣ и дѣламъ почившей. И здѣсь онъ вводитъ нѣкоторыя болѣе опредѣленные указанія на дѣятельность покойной императрицы, см. pg. 59. Онъ говоритъ о „прежнемъ“ (*τὸν ἀρχαῖον*) рвеніи ея къ благочестію, причемъ она сына своего, уклонившагося съ пути благочестія, „отлучила отъ поминанія его православными“, о позднѣйшей уступкѣ ея новшеству (т. е., латинству). Сына ораторъ тѣмъ болѣе увѣщаетъ выполнить то, чего она не успѣла (*τὸ ἐκείνης ὑστέρημα*), протянуть руку помощи, исправить промахъ и соблюсти отеческое благочестіе до конца, до послѣдняго вздоха. Такъ онъ окажетъ великую милость и себѣ, и принесетъ пользу душамъ „братьевъ и царей“. Въ отношеніи къ Богу и будущей жизни значить ли что либо страхъ передъ латинянами, боязнь и опасность отъ агарянь? Ораторъ призываетъ затѣмъ царя къ тому, чего особенно требуютъ теперь обстоятельства, — избавленія многихъ, а скорѣе всѣхъ, подданныхъ его, отъ печали, страданія, ропота, доносовъ и всяческихъ бѣдъ и дарованія имъ общей радости и свободы. При этомъ онъ напоминаетъ ему, чтобы въ попеченіи о немногихъ великихъ, не забывалъ онъ и малыхъ: „Если кто л. по свойствамъ своимъ — глазъ, или носъ, или рука, не должно оставлять безъ вниманія ногу, или палець, или ноготь, или любую часть тѣла, какъ бы она незначительна не была, но пусть цѣлое удостоено будетъ соотвѣтственнаго попеченія и ухода, потому что составъ цѣлаго складывается изъ частей“. — Въ увѣщаніи императрицѣ, говоря о томъ, что для покойной миновали всѣ земныя тревоги и страхи, ораторъ устами

ея восклицаетъ, pg. 65, 5 „Увы! горькій совѣтъ жалкихъ людей. Гдѣ мой страхъ тамъ (т. е., на землѣ) передъ латинянами? Гдѣ теперь уловки и хитрости и обиняки хваленыхъ дипломатовъ (такъ, по отношенію къ предмету, срв. въ Увѣщаніи императору pg. 59, 7 sq., въ сходныхъ словахъ: *ταῖς πικραῖς συμβουλαῖς τῶν κακῶς οἰκονομούντων ὑπαχθραῖσα, τῶν καλῶν οἰκονόμων*, здѣсь, pg. 65, 7)? Гдѣ частичная уступка? Гдѣ робость отъ чужеземцевъ и обманъ со стороны своихъ? Гдѣ содроганіе и опасность со стороны измаелитовъ, если только не тѣ по истинѣ грозные, одни мысленные и подлинныя (не стояло ли первонач. въ подскобленномъ мѣстѣ, вм. *βαρεῖς, ἀληθεῖς*?) агаряне и эіопы и древній фараонъ, жестокій работодатель, и тамошніе суды? Гдѣ теперь частыя колебанія и откладываніе дѣла долга? Гдѣ волненіе, тревога, работа за дѣтей, больше, за всѣхъ христіанъ? . . . Все миновало, все прахъ, все будто въ сновидѣніяхъ и призракахъ!“

„Записка помофилакса Іоанна діакона Евгеника, съ совѣтами о правомъ пути жизни и началѣ житія во Христѣ (т. е., монашеской жизни), къ владыкѣ, господину Θεодору Порфирородному, когда онъ стремился къ монашескому обличью“, *σελλ.* 69—111, относится къ той порѣ, когда Θεодоръ Палеологъ, деспотъ Пелопонниса, дѣйствительно задумывалъ принять монашество. Конечныя слова заглавія Записки (*Ἐπιόμημα* — *Commentarius*) Іоанна намекаютъ на то, что намѣреніемъ дѣло и ограничилось. Это было въ 1427 г. Императоръ Іоаннъ, которому братъ заявилъ о своемъ замыслѣ, явился, въ концѣ декабря этого года, въ Пелопоннисъ, чтобы поставить деспотомъ его, вмѣсто Θεодора, Константина. Но лишь Іоаннъ появился въ Пелопоннисѣ, Θεодоръ раздумалъ уже разставаться съ властью и императору Іоанну пришлось подумать о новомъ удѣлѣ, специально для Константина (см. *Ἀμπερος*, *Ἱστορία τ. Ἑλλ. Τ. VI, σελ.* 794 *ἐπ.*).

Такимъ образомъ этотъ трактатъ Іоанна Евгеника о монашеской жизни написанъ имъ значительно ранѣ двухъ предшествующихъ рѣчей. Не входя въ подробности этого наставленія, отмѣтимъ, что, среди многочисленныхъ ссылокъ на св. Отцовъ, мы находимъ здѣсь и нерѣдкія ссылки на философскую языческую литературу, какъ то: Епиктета, pg. 86, 17, Демокрита и Гераклита, pg. 104, 19 397., Пиеагора, pg. 108, 11, Евклида и Платона, pag. 111, 7 sqq., Филона pg. 71, 33. Изъ церковной литературы, рядомъ съ Василиемъ Вел., Григоріемъ Богословомъ цитуются Іоаннъ Лѣствичникъ, pg. 92, блаженный Зосима pg. 93, 8, Симеонъ Богословъ, pg. 94, 11; цитуются еще мудрый Мосхіонъ, pg. 87, 15. Для этой примѣси къ христіанскимъ языческихъ авторитетовъ характерно, что для долговѣчности челоуѣческой рядомъ съ Маеусалой Ветхаго Завѣта нашъ авторъ приводитъ примѣръ мѣическаго Аргантонія, котораго онъ могъ знать, напр., изъ Либанія, (см. *Salzmann*, *Sprichwörter u. sprichwört. Redensarten bei Libanios, Tü-*

bingen, 1910, S. 30, гдѣ указаны мѣста Геродота, пс. Лукіана и Liban., ер. 1460, orat. II, 547, 19. Срв. къ сходствамъ у Іоанна съ Либаніемъ мой переводъ рѣчей его, томъ I, Казань, 1914, предисловіе. См. еще *σπινθήρ* въ фигуральномъ выраженіи, Іоаннъ pg. 84, 7 pg. 169, 6; также Маркъ Евгеникъ, pg. 38, 11 и Либаній, мой перев., стр. 60,1). Подобнымъ образомъ евангельское изреченіе сопоставляется pg. 73, 1—2 съ изреченіемъ Сократа.

Проповѣдуя тщету мірской жизни, стремленіе къ нравственному усовершенствованію (при этомъ о тройномъ дѣленіи души, *τὸ θυμικόν*, *τὸ ἐπιθυμητικόν*, *τὸ λογικόν* и сравненіе съ колесницей изъ „Федра“ Платона, pg. 100), авторъ очень мало касается особыхъ условій общественнаго положенія адресата или и его личнаго характера. Самыя такія, очень рѣдкія, указанія, напр., pg. 67, 18 „тебѣ, который ежедневно собесѣдуешь съ хорами святыхъ и древнихъ мужей и постигаешь умомъ ихъ сочиненія“ или pg. 100, 3 „я слышалъ, какъ ты часто въ живой бесѣдѣ съ близкими разсуждалъ и съ готовностью выслушивалъ чужія рѣчи на подобную тему (объ отрѣшеніи отъ земныхъ интересовъ, послѣдованіи Господу), при чемъ въ послѣднемъ мѣстѣ Іоаннъ называетъ деспота Θεοδώρα также „душой боголюбивой“ съ горячей, сильной, чрезвычайной любовью къ божественному“, иногда, можетъ быть, преувеличиваютъ дѣйствительныя качества адресата, если имѣтъ въ виду скорый отказъ его отъ плановъ принятія монашества.

Въ 1439 г., 17 декабря, умерла третья супруга императора Іоанна VIII-го Марія Комнина, дочь трапезунтскаго императора Алексѣя IV (1412—1447, *Λάμπρος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλ.*, VI 861. Hertzberg, II S. 507). По этому поводу Іоаннъ Евгеникъ пишетъ свою Монодію на смерть приснопамятной и святой владычицы нашей Маріи, *σελ.* 112—114.

Экспромптъ (*ἀνθωρὸν προσφωνηθέν*) порфирородному деспоту г-ну Θεοδору Палеологу, *σελ.* 115—116 — коротенькое приѣтствіе, произнесенное, очевидно, по случаю посѣщенія Θεοδоромъ, въ 1436 г., Константинополя, для свиданія съ братомъ (*Λάμπρος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλάδος*, VI, *σελ.* 885).

Утѣшающая рѣчь повелителю нашему, владыкѣ, г-ну Константину Палеологу написана по поводу смерти его супруги Маріи Комнины, какъ и вышеупомянутая монодія. Она издается Ламбросомъ по одной парижской и одной бухарестской рукописи, *σελ.* 117—122.

Въ рѣчи своей, обращенной къ императору г-ну Константину Палеологу, объявляя во вступленіи, что слуха и души государя достойна особенно рѣчь свободная, напоминая ему, что императоръ, по самому производству слова *βασιλεύς* (по Іоанну, отъ *βάσις*), есть опора (*βάσις*) правыхъ догматовъ церкви, заступникъ и защитникъ церкви и что „когда его украшаютъ царскимъ вѣнцомъ и помазуютъ св. мѣромъ,

онъ вручаетъ пастырю и представителю церкви (т. е., патриарху) клятвенный императорскій хрисовулъ и письменное исповѣданіе, съ общаніемъ заступничества и защиты имъ правыхъ догматовъ“ (pg. 124, 28—32, къ этимъ достопримѣчательнымъ словамъ срв. историческія разъясненія отношеній между императорскою и патриаршей властью Вигу, въ его *The constitution of the later Roman empire*, 1910, см. здѣсь между прочимъ о столкновеніи между Іоанномъ Цимисхіемъ и патриархомъ Полиевктомъ, р. 35; о помазаніи pg. 37), Іоаннъ настойчиво внушаетъ императору не отступать отъ православія въ видахъ матеріальныхъ человѣческихъ интересовъ, „ради триеръ, золотыхъ и помощи съ Запада“ (pg. 127, 14). Что рѣчь была написана при вступленіи на престолъ послѣдняго византійскаго императора (1449 г. 6 января, Hertzberg II 527. Коронованіе въ Мизиерѣ 6 января, вступленіе въ Константинополь 12-го марта), видно изъ прямого указанія въ самой рѣчи, pg. 126, 1 („десять лѣтъ протекло уже съ тѣхъ поръ, какъ состоявшаяся уніа помрачаетъ церковь“). Авторъ вооружается противъ патриарха (преемника Митрофана, скончавшагося 1 августа 1443-го г., Григорія Маммы, подобно предшественнику вѣрнаго сторонника уніи, *Δάμπος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλ.* VI σελ. 866) и сравниваетъ тотъ фактъ, что при православномъ и благочестивомъ императорѣ предстоятель церкви „иномысленъ и иновѣренъ“, съ тѣмъ, какъ если бы кто къ красивому тѣлу статуи изъ благороднаго металла приставилъ глиняную голову. Вѣдь царская власть и власть церковная должны быть всячески неразрывно соединены какъ душа съ тѣломъ (pg. 126). Іоаннъ говоритъ, что, если еще при братѣ его латинство какъ бы лишено стало нервовъ и потеряло силу и его защитники сокрушены, то съ чѣмъ сообразно, чтобы съ весною, когда туча миновала, приходилось еще видѣть бушеваніе бури, волны въ пору ожидаемаго затишья и добраго кормчаго (т. е., новаго государя), который всегда хотѣлъ быть и казаться другомъ истины и борцомъ за нее, предпочитающимъ, по видимому, человѣческіе интересы страху Божию (pg. 127)? Говоря объ уніи, Іоаннъ употребляетъ о ней то же выраженіе *μεσότης καὶ οὐκονομία*, какое находимъ въ критикѣ ея его брата Марка Евгеника pg. 125, 24, pg. 127, 32 cf. pg. 27 sq., также *μεσότης καὶ διπλόη*, и вообще все разсужденіе Іоанна въ связи съ такимъ опредѣленіемъ уніи, pg. 125, воспроизводитъ аргументацію Марка, въ его письмѣ къ Георгію Схоларію. Отмѣтимъ еще въ этой рѣчи историческую справку автора на стр. 130: „Но взглянемъ, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ распорядилась святая Θεодора, благочестивѣйшая владычица и прапрабабушка святой твоей царственности, съ сыномъ ея, благочестивѣйшимъ царемъ Андроникомъ, прадѣдомъ твоимъ, какъ они низвергли дерзостно предложенное новшество и во всемъ послѣдовали святымъ и вселенскимъ соборамъ, какъ они съ корнемъ вырвали горькій и сорный корень латинства, какъ ради Бога и истины презрѣли всѣ людскія угрозы, съ разныхъ сторонъ

и тогда, не меньше, чѣмъ нынѣ, нависшія надъ римской державой, какъ общѣали Христовой церкви не принуждать никогда поминать благодѣтеля и царя, одной — супруга, другому — отца, потому что и онъ былъ въ числѣ устроителей и согласниковъ на „синадріонѣ“ (Іоаннъ намѣренно, конечно, не прилагаетъ къ Ліонскому собору этого церковнаго термина) новшества латинянь, какъ, въ недавнее время, другіе во Флоренці; какъ они на соборѣ низложили нечестиваго и суетнаго Векка, не разъ отступавшагося отъ Христовой церкви и ни разу подлинно и неложно не принесшаго покаянія, и какъ единомыслениковъ ихъ они отсѣкли отъ общества православныхъ христіанъ, и съ той поры до недавняго царствованія твоего святого отца, блаженнѣйшаго и приснопамятнаго царя нашего, по преемству, какъ нѣкій отеческій удѣлъ, рвеніе къ православію и непримѣсная чистота вѣры передавалась и соблюдалась“.

Здѣсь имѣется, конечно, въ виду прапрабабка сыновей императора Мануила, прапрабабка послѣдняго, прабабка отца Мануила, Іоанна V-го, мать Андроника II-го и супруга Михаила Палеолога Θεодора. Ліонскій соборъ 1274 г. и согласіе на унію Михаила Палеолога повели къ низложенію вѣрнаго православію патріарха Іосифа и возведенію на патріаршую кафедру Константинополя Іоанна Векка (*Λάμπρος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλ.*, VI, pg. 386. Θ. И. Успенскій, Очерки по исторіи виз. образов., 285). Преемникъ Михаила, сынъ его Андроникъ II (1282—1328), вѣрный и послушный сторонникъ православной партіи, не остановился даже передъ тѣмъ, чтобы лишить молитвъ церкви трупъ своего отца (*Λάμπρος*, *σελ. 412 ἐπ.*). Іоаннъ Веккъ, еще въ концѣ царствованія Михаила временно удалявшійся съ кафедры, былъ низложенъ тотчасъ по вступленіи на тронъ Андроника и его преемникомъ сталъ прежній патріархъ Іосифъ.

Изъ трехъ записокъ, обращенныхъ къ Лукѣ Нотарѣ, pgg. 137—150, двѣ преслѣдуютъ цѣль разсѣять колебанія Нотары въ его рѣшеніи стать на сторону православія противъ уніи. Лука Нотара извѣстенъ какъ непримиримый противникъ ереси до самого рокового конца (см. его отношенія къ Джустиніани еще во времена послѣдней обороны города, *Λάμπρος*, *Ἱστορία τ. Ἑλλάδος*, VI, pg. 962). Въ первомъ изъ этихъ посланій къ Нотарѣ Іоаннъ дѣлаетъ справку объ утвержденіи и защитѣ догматовъ православной церкви въ предшествующей исторіи, при чемъ упоминаетъ о послѣднемъ подлинномъ, восьмомъ, вселенномъ соборѣ, въ лицѣ намѣстниковъ папы Іоанна предавшемъ анаѣемѣ латинское новшество, возвеличившемъ седьмой соборъ и блаженнаго патріарха Фогія, а предшествовавшій, противъ него собранный, осудившемъ. Изъ свв. учителей и богослововъ, за божественнымъ Діонисіемъ и великимъ Аѳанасіемъ и Кирилломъ, названы свв. исповѣдники Максимъ и Іоаннъ Дамаскинъ и „тѣ, что были передъ нами, — Мелетій, Аноѣмъ и Григорій Палама, послѣднимъ преемникомъ коихъ является доблестный ихъ ученикъ и подражатель, блаженнѣйшій и святой архіерей Ефеса (т. е.,

Маркъ), мой владыка, твой передъ Богомъ посредникъ и горячій предстатель, если захотимъ, до конца“ (pg. 138). Ниже, въ обличеніи латинства, находимъ здѣсь ссылку еще на одного изъ главныхъ авторитетовъ гесихастической литературы, Нила Кабасилу (Krumbacher, Gesch. d. byz. Litt. 2, S. 109), см. *σελ.* 141, 16, вѣдь „латиняне, по общему признанію (*διολογουμένως*), являются варлаамитами и акиндиномысленными“ (о Варлаамѣ и Григоріи Акиндинѣ см. Krumbacher, o. l., S. 100 pg., *Θ. И. Успенскій*, Очерки по исторіи византійской образованности. С.-Петерб. 1891, стр. 246 слл.). Срв. еще ер. 17 Иоанна Евгеника, въ настоящемъ изданіи pg. 182, о *Θаворскомъ свѣтѣ*. Для сближенія съ ересью Сабеллія, въ слѣдующемъ ниже посланіи императору „какъ бы отъ лица общины православныхъ“, *σελ.* 151, 18, 153, сл., срв. и Синодикъ изд. *Θ. И. Успенскаго* (Одесса, 1893), стр. 31. Характерна для самосознанія этой національной и православной партіи тирада, pg. 142, 14. „Итакъ мы не только дерзнемъ на это (т. е., измѣнить ради людскихъ интересовъ собственной вѣрѣ), народъ Христовъ, святое племя, царское священство, не только православные на землѣ по преимуществу, но и соучастники слова и образованія, разумомъ украшенные и всякой варварской привычки чуждые, гордящіеся тѣмъ, что мы римскаго рода“. „Да и какой же смыслъ, если тотъ государь, который завязалъ сношенія (объ уніи) и, можетъ быть, скорѣе вынужденъ былъ, чѣмъ добровольно пожелалъ ихъ поддерживать, сокрушалъ и ослаблялъ латинство и его защитниковъ, а мы, желающіе и быть, и представляться друзьями и поборниками православія, уже, по видимому, и идемъ за одно съ иновѣрцами, и преслѣдуемъ ихъ честь, и утверждение, и предпочитаемъ страху Божию человѣческой интересъ?“

Иоаннъ и здѣсь объявляетъ, что латинство хуже всякаго плѣна у варваровъ, оно „ввергаетъ въ кашкачъ Ада“ (pg. 142, 2, 32).

На апорію Луки Нотары относительно матеріальности плоти воскресшаго Спасителя отвѣчаетъ посланіе къ нему Иоанна Евгеника, *σελ.* 146—150.

Отповѣдь царю номофилакса Иоанна діакона Евгеника какъ бы отъ лица общины православныхъ, критикуя ученіе латинянъ объ исхожденіи св. Духа, это „сабелліево замѣшательство“ (pg. 151, 18 cf. 153, 2), повторяетъ опредѣленія Марка Евгеника уніи какъ попытки компромисса, неосуществимаго по самой сути дѣла: „какое общеніе и единеніе между тѣмъ, что составляетъ рѣзкій контрастъ, недоступно слянію? Что средина между ложью и истиной, утвержденіемъ и отрицаніемъ?“ (*σελ.* 152, 12—14). Но неотвязной причиной раскола церквей и нашего разлученія является, конечно, прибавка, которая есть, остается и будетъ непоколебимой, и соборныя о ней опредѣленія свв. отцовъ“; они являются „какъ бы нѣкимъ великимъ и единственнымъ крѣпчайшимъ средостѣніемъ, раздѣляютъ насъ и отчуждаютъ отъ какого л. общенія съ ними“.

Остальная часть перваго тома новаго изданія Ламброса содержитъ изъ произведеній Іоанна Евгеника еще его письма, въ числѣ ок. тридцати (32-ого нѣтъ). Въ рубрику писемъ или посланій включены нѣкоторые произведенія, которыя не имѣютъ характера простой корреспонденціи и по самой темѣ могли бы стоять отдѣльно отъ нихъ. Таковы н^о 16, сбств. небольшой трактатъ въ защиту православія, обращенный къ императору, н^о 18, Славословіе Богу за церковное исправленіе, далѣе: н^о 19 *Προσφωνηματικός* къ брату императрицы, н^о 20 — „начало завѣщанія“. — н^о 26 долженъ быть помѣщенъ въ особомъ приложеніи, см. замѣтку на приложенномъ къ 9-му выпуску I-го т. листкѣ. Адресатами Іоанна въ письмахъ являются Георгій Гемистъ (Плеонъ) (ер. 1), Георгій (Геннадій) Схολарій (ерр. 5. 6. 10. 14. 24. 25. 26), великій дукъ Лука Нотара (ерр. 13. 15), Никифоръ, *πρίγκιψ, ὁ Χειλᾶς* (ерр. 9. 23. 27), Георгій Амируца (сf. *Λάμπρος, Ἱστορία τ. Ἑλλάδος* VI, 848. 866) (ерр. 3. 28), Антоній Маласпина (ерр. 12. 34, послѣднее по опредѣленію адресата издателемъ), Димитрій Пезагомень, авторъ, по Крумбахеру (*Byz. Litt.* ², 615. 631), трактатовъ о подагрѣ и о вскармливаніи соколовъ (ерр. 4. 35); письма деспоту Давиду (ерр. 2. 29), трапезунтскимъ императорамъ (ер. 33), Канавуци (ер. 11), Исидору (ер. 22), Серапіону (ер. 7), Виссаріону о латинствѣ (ер. 8), Асану (ер. 31), великому протосинкеллу Нилу (ер. 30), великому еkkлeсiарху Сиропулу (ер. 21: Сильвестру, см. *Λάμπρος, Ἱστ.* VI, 834, 842, Hertzberg II S. 504).

Изъ этихъ адресатовъ нѣкоторыхъ встрѣчаемъ и въ числѣ адресатовъ Геннадія Схολарія, во 2-омъ томѣ разсматриваемаго изданія, такъ принкипса Никифора (*N. ὁ Χειλᾶς*) ер. 9, Т. В', *σελ.* 226), Асана (на Лесбосѣ) ер. 13 (*σελ.* 236), императора Трапезунта (ер. 14, *σελ.* 236; разумѣется Алексѣй IV, 1412—1447 г. Т. к. Давидъ Комнинъ, Hertzberg II 583 f., уже не могъ держаться противъ турокъ, Алексѣй былъ послѣднимъ трапезунтскимъ императоромъ), не говоря о Лукѣ Нотарѣ, къ которому Геннадій часто обращался въ своихъ сочиненіяхъ. Георгій Амируца упоминается Схολаріемъ въ цитованномъ сей-часъ письмѣ его къ трапезунтскому императору. Восьмое и 14-ое письмо Геннадія Схολарія (*σελλ.* 293. 308) обращены къ Виссаріону.

Впрочемъ значительная часть этихъ писемъ Іоанна Евгеника уже была издана Леграномъ, въ его *Cent dix lettres grecques de François Filéffe* (Paris. 1892). Разночтенія Леграна отмѣчены у новаго издателя. Нельзя не привѣтствовать восполненіе въ немъ цѣлаго ряда писемъ Іоанна. Въ числѣ нихъ находимъ, ер. 17, къ сестрѣ императрицы, гдѣ авторъ письма высказываетъ сожалѣніе, что не можетъ ея лично видѣть. Въ значительной части письма эти посвящены все тому же, главному, интересу Іоанна, критикѣ латинства и исповѣданію православія. Уніаты называются у него волками, полувѣврями (pg. 161, 196, 193). Характерно мѣсто письма (22-го) Исидору: „Какое согласіе

у Христа съ Веліаромъ? Видишь, чего жаждутъ трижды жалкіе. Они жаждутъ и домогаются еще пастыря-измѣнника, жаждутъ волка, погибели, того, что въ Мессонѣ, или Ахайѣ, или блуждаетъ не знай въ какихъ стремнинахъ и пропастьяхъ“, ища кого поглотить (pg. 196, 17—22). Здѣсь, вѣроятно, разумѣется одно изъ двухъ лицъ, упоминаемыхъ въ письмѣ Марка Евгеника монаху Теофану на (Евбею) Еврипѣ, pag. 22, или избранный латинствующими митрополитъ Аеинъ, „служба“ Монемазійскаго игумена монастыря св. Предтечи, или этотъ послѣдній (см. также *ὁ Ἐλους, ὁ Μονεμβάσιος, σελ. 182, 5, ὁ Ἀμνχλῶν, ὁ Μαΐνης, 178*). Въ этихъ разсужденіяхъ неоднократно называетъ Іоаннъ имя брата своего Марка, покойнаго митрополита Ефесскаго; свое слово въ память его онъ упоминаетъ въ письмѣ къ деспоту Давиду, ер. 2, и въ письмѣ къ Амируцѣ, ер. 3. Конечно, кромѣ прямыхъ ссылокъ на Марка этотъ высокій авторитетъ для сторонниковъ православія, какъ въ Славословіи Богу за церковное исправленіе (по 18 у Ламброса, *σελ. 187, 23*, какъ въ ер. 24, Геннадію Схολарію (*σελ. 199, 7*, „при великомъ отцѣ нашемъ и руководителѣ“, cf. pg. 159, 15, въ тѣхъ же выраженіяхъ), мы находимъ неоднократно у Іоанна цѣлыя фразы и выраженія, заимствованныя изъ сочиненій Марка. Такъ, въ сейчасъ цитованномъ Славословіи, pg. 186, 9, 529, въ молитвѣ за императора срв. *σκέπασον αὐτὸν ἐπὶ τὴν σκέπην τῶν πτερόγων σου* lin. 12 и то же у Марка въ его Молитвѣ за царя, pg. 31, 24; въ письмѣ 14, Геннадію Схολарію, pg. 199 у Іоанна, Геннадій названъ „великимъ свѣточемъ, яркимъ пламенемъ, помѣщеннымъ на свѣтильникѣ, да свѣтитъ всѣмъ въ домѣ“, не безъ отношенія къ пророчеству о немъ Марка, въ его предсмертной бесѣдѣ, pg. 37, 16—17. Личныя обстоятельства затрогиваются Іоанномъ особенно въ первыхъ (по порядку ихъ въ изданіи) письмахъ. Неоднократно говоритъ онъ о своихъ блужданіяхъ по выѣздѣ съ Пелопонниса (см. ерр. 1. 2. 3. 5 etc.). Упоминается еще повальная болѣзнь, отъ которой погибли „самыя дорогія“ лица, ер. 6 (въ числѣ нихъ Теодора) cf. ер. 7 (въ началѣ).

Для стиля Іоанна Евгеника характерны нѣкоторыя излюбленныя имъ слова и выраженія, повторяющіяся въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій и писемъ. Таковы: *τύρβη* pg. 65, 12, 82, 2, 97, 26, 155, 16, 162, 3, 174, 25; *τύπος καὶ ὑπογραμμός* pg. 56, 20, 63, 12, 163, 16, *ἀντόχημα* pg. 118, 27, 172, 24, *αὐτοαλήθεια* pg. 78, 28, 99, 7, 105, 13, 129, 16, *αὐτογάπη* 201, 12, *ἐπιθεῖναι καλὴν κορωνίδα* pg. 132, 28, 144, 5, 200, 17, *τοῖς εἰδώλοις μόνοις ψυχαγωγείσθαι* 169, 3, *τὰ ἐν γραμμῶσιν εἶδωλα* 171, 4, *μὴ σφοδρῶς τοῖς εἰδώλοις προστετηχέναι* 198, 15, пословичное выраженіе *ἀφ' ἑστίας* pg. 124, 19, 58, 27, *ὁ τίμιος μαργαρίτης* pg. 80, 35, *ὁ πολύτιμος μαργαρίτης* 172, 21 — фигурально, *ἕγξ* фигурально pg. 161, 9, 168, 7, *τὸ γραφικόν* „по словамъ Св. Писанія“ pg. 176, 3, 196, 30. Св. Григорій Богословъ цитруется почти всегда такъ: *ἡ θεολόγος φησὶ γλῶττα καὶ γρήγορος* pgg. 133, 15, 148, 17, 166, 25 (нѣ-

сколько иначе: τὸ θεολογικὸν γρηγόρειον), 194, 1. σπινθήρ фигурально у Марка Евгеника pg. 38, 11, у Иоанна pg. 84, 7, 169, 6.

Что касается этимологiи, отмѣчаемъ формы *χρός* (gen.), *ροῖ* (dat., но и *ροῖ* 86, 1) p. 79, 12, 84, 16, 89, 5, *μελανή* (= *μέλαινα*) pg. 190, 8, сравн. степ. *πάχιον* 106, 2, превосходная *ἀγαθώτατος* p. 56, 6, 134, 7, 189, 10, 193, 31, формы глагола *οἶδατε* 95, 32, *οἶδας* 160, 15, 171, 1, *οἰκτειρήσης* 171, 23, *οἰκτειρήσεις* 172, 25, *ἐπιχεθεῖσα* 172, 25. — *ύγεία* и *ταμείον*, въ этой формѣ засвидѣтельствованы въ рукописяхъ и въ большомъ числѣ случаевъ оставлены и пуристомъ Ламбросомъ безъ „исправленiя“, такъ 161, 19, 168, 21, 86, 3. Изъ латинскихъ словъ, какъ и у Марка, находимъ *δεφένσωρ* и *δεφενδέυειν* см. pgg. 35, 19 (у Марка), 124, 26, 177, 30, у Марка pg. 22, 23 *κούσουλос* (consul?).

Изъ рѣдкихъ словъ отмѣчаемъ *πάγιος* pg. 8, 11 (у Анонима), pg. 57, 5, *μηδαμινώτερος* pg. 38, 2, *ἀπειράκις ἀπείρως* pg. 74, 2, *πόρρασις* („затвердѣнiе“) pg. 103, 20, *διολύγιος* pg. 112, 3, *κακωτικός* pg. 121, 13, *οὐδενεία* pg. 135, 9, *πέταυρος* („ловушка“) pg. 142, 2, *νεκταρόχυτος* pg. 163, 20, *εὐρησιολογήματα* pg. 178, 2, *φύσις ἀποστάτις* pg. 190, 2, *κούμπαρος* pg. 196, 27, *φιλενωτής* *ibid.*

Собрание сочиненiй Иоанна Евгеника заканчивается въ четвертомъ выпускѣ I-го тома разсматриваемаго изданiя стихотворными его произведенiями: „На могилу г-на Исаакiя Асѣня и его внуки въ монастырѣ Филантропа“, на могилу г-на Димитрiя Леонтариса“ въ монастырѣ Петры, „другое ему же, „Надгробные стихи царевичу“. Димитрiй Ласкарисъ Леонтарисъ еще въ 1421 г. упоминается какъ посоль императора Мануила (*Δάμπρος* VI, 773) на островъ Лемнось, за Мустафой, султаномъ, посаженнымъ византийцами потомъ во оракъ Херсонесѣ.

Въ концѣ того же выпуска I-го тома помѣщены произведенiя Иоанна Докiана. Его Хвалебное слово императору Константину Палеологу, текстъ коего сообщенъ былъ издателю въ фотографiи съ рукописи монастыря Notre Dame de Pilag въ Сарагоссѣ, написано согласно обычной схемѣ подобныхъ рѣчей. Послѣ длиннаго вступленiя съ обычными миеологическими сопоставленiями и фигурами (*σειρήνες*, фигурально: „увлекательность рѣчи“, pg. 223, 22, срв. у Иоанна Евгеника, pg. 161, 7 *ταῖς σαῖς σειρήσιν*), восхваляется сначала столица государства, затѣмъ отецъ Константина Мануилъ (pg. 225, 12 sqq.): „въ ту пору онъ смѣло принялъ на себя великую борьбу, какая надвигалась на насъ, и значительно улучшилъ положенiе римскаго государства, тѣмъ болѣе нуждавшагося тогда въ разумномъ руководствѣ, чѣмъ въ большей помощи, нежели когда л. раньше оно нуждалось, и поборовъ это странное государственное тревоженiе и бурю, и самъ не колебался испытать одну судьбу съ массою народной и не обманулъ надеждъ тѣхъ, кто ихъ на него возлагали, но съ Божьей помощью привелъ всѣхъ въ безопасную гавань и осуществилъ пожеланiе Платона, въ философи царствуя и философствуя на царствѣ, содѣлалъ

счастливыми подданныхъ, и всѣ свои дѣла и замыслы съ мудрою значительностью довелъ до совершенства царскаго знанія и добродѣтели“. Въ многихъ сопоставленіяхъ этой части рѣчи, о родителяхъ Константина (*οὐ μνησθέντες τι πλάσμα κατασχόμενα ὡς Ἀλεξάνδρον γοναί*; та же мысль у Либанія, въ его Похвальному Словѣ Констанцію и Константу, § 23—24, и ниже у Іоанна, pg. 226. 21 sqq., и Либанія § 30) и о воспитаніи его замѣтно сходство съ Либаніемъ, въ его похвальному словѣ Констанцію и Константу, также замѣтно оно и тамъ, гдѣ говорится о вліяніи на Константина отца.

„Когда же, по пословицѣ, продолжаетъ Іоаннъ, прежде чѣмъ получить предоставленную мнѣ власть въ Пелопоннискѣ, ты ступилъ на порогъ двери, тотчасъ ты отплатилъ родинѣ опытомъ превыше всякаго пожеланія“ (pg. 227, 29, sqq.). Здѣсь говорится, далѣе, очевидно, о приступѣ на столицу сарацинъ султана Мурата 10 іюня 1422-го г. (*Λάμπρος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλ.* VI pg. 777). Вскорѣ послѣ того, въ 1427 г., *Λάμπρος*, *ibid.* p. 794, слѣдуютъ проводы Константина въ Пелопоннисъ. Затѣмъ упоминаются подвиги Константина въ качествѣ деспота Пелопонниса, особенно занятіе имъ Патръ (см. *Λάμπρος*, о. 1., pg. 797: въ 1429 г.). Эти подвиги вызываютъ у оратора снова миеологическое сопоставленіе, съ подвигами Геракла, и историческое, съ побѣдоюThemistocles надъ персами. Вслѣдъ затѣмъ ораторъ (pg. 229, 25) переходитъ къ вызову Константина братомъ, — императоромъ Іоанномъ, въ Константинополь для регентства на время своего отъѣзда въ Италію, на соборъ. Восхваляя его управленіе, ораторъ прославляетъ и его образованность („Кто такъ много воспринялъ изъ всевозможныхъ книгъ полезныхъ свѣдѣній изъ древнихъ и новыхъ временъ?“), pg. 230, 20—22), его щедрость и кротость. Онъ сопоставляетъ его, наконецъ, по благочестію съ его великимъ тезкой, Константиномъ В., и молитъ въ заключеніе Христа Бога о дарованіи ему царства земного вмѣстѣ съ небеснымъ. Повидимому, поэтому рѣчь написана еще во время управленія Константиномъ имперіей за отъѣздомъ Іоанна.

Привѣтственное слово всесчастливѣйшему и святому нашему владыкѣ г-ну Константину Палеологу, (σλ. 232—235), по тѣмъ же рукописямъ, сарагосской и Дармарія, по какимъ публикуется текстъ предшествующаго слова, написано уже при воцареніи Константина.

Привѣтственное слово Іоанна Докіана могущественнѣйшему и святому нашему владыкѣ и господину Θεодору Порфирородному (σλ. 236—238) написано по поводу того же прибытія Θεодора въ столицу изъ Пелопонниса, когда написала свою подобную рѣчь и Іоаннъ Евгеникъ (см. выше), 1436-го г.

(Поздравленіе) отъ лица царской дочери, σλ. 239 *ἐπ.*, написано Іоанномъ Докіаномъ для своей ученицы. Царскія дочери пріучались къ чистому, аттическому языку и учитель помогъ здѣсь

своей ученицѣ въ концѣ рѣчи ея: „Дерзаю раба Твоей царственности, святой владыка мой, рабски доложить тебѣ.“ Въ этомъ поздравленіи царица поминаетъ, какъ ея царственный родитель (Константинъ Палеологъ) угрозою своею заставилъ образумиться „брата — моего любезнѣйшаго дядю“ (т. е., Θεοδωρα, срв. *Λάμπρος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλ.*, VI, 885), выступивъ противъ него войною, дабы право не было незаконно попорано, чего и достигъ одной демонстраціей (*δείμασι*) и безъ пролитія крови, такъ какъ тотъ внялъ убѣжденію не предпринимать далѣе того же дѣла, но ограничиться собственными предѣлами и скорѣе довольствоваться своими владѣніями съ миромъ, чѣмъ потерять вмѣстѣ съ справедливостью (т. е., измѣнивъ требованіямъ справедливости) и ихъ. — Дѣло идетъ о притязаніяхъ Θεοδωρα II на владѣнія Константина по раздѣлу Пелопонниса между тремя братьями: Θεοδωρομъ, Константиномъ и Θεομυ и походѣ на Мистру Константина и Θεομυ. Императоръ Ιωαννῆς Палеологъ послалъ тогда въ качествѣ примирителей Γεωργίου Дисипата и монаха Διονυσία.

Изъ двухъ посланій къ Константину Палеологу, издаваемыхъ по эскуріальской рукописи, σελ. 241—248, первое является восхваленіемъ побѣды Константина надъ латинянами (см. стр. 244), съ главнымъ его подвигомъ, взятіемъ Патръ. Въ высокопарныхъ выраженіяхъ, въ обычномъ стилѣ панегириковъ, описывается радостный приѣмъ Константина въ столицѣ, для которой присутствіе такого почительнаго пастыря (говорится о регентствѣ Константина въ отсутствіи императора — брата, Ιωαννα Палеолога) стоило многихъ борцовъ, голплитовъ и всадниковъ. Торжественный, богатый фигурами стиль, обиліе миеологическихъ сопоставленій характерно для этого панегирика. Другое посланіе сохранилось въ эскуріальской рукописи не вполне и восхваляетъ Константина какъ благодѣтеля подданныхъ.

Слѣдуетъ нѣсколько небольшихъ писемъ Ιωαννα Докіана: Димитрію Асану (по. 1), Моску (по. 2), привѣтствія отъ лица царицы (по. 4), Царицы, владычицы римлянъ Еленѣ Палеологѣ (дочери Димитрія Палеолога, деспота въ Морей, въ Мисирѣ, 1449—1460, по отмѣткѣ Норфа, *Chroniques gréco-rom.*). Оригинальна въ нихъ смѣсь латинскаго и греческаго языковъ. Заканчивается 4-ый выпускъ перваго тома текстомъ небольшого стихотворенія Ιωαννα Докіана въ честь Геннадія Схоларія и спискомъ книгъ, какъ устанавливаетъ Ламбросъ, библиотеки Ιωαννα Докіана, рукописи Амвросіевой библиотеки, руки его самого.

Второй томъ изданія Ламброса весь посвященъ произведеніямъ Геннадія Схоларія (среди писемъ его Лукъ Нотарѣ находимъ, впрочемъ, и отвѣты великаго дуга). Георгій, въ монашествѣ Геннадій Схоларій, извѣстенъ главнымъ образомъ тѣмъ отпоромъ латинству въ своихъ 15 бесѣдахъ, произнесенныхъ во дворцѣ въ присутствіи императора Ιωανна

Палеолога, деспота Пелопонниса Θεοδора II-го и патріарха Григорія, гдѣ онъ энергично выступилъ противъ папскаго посла, латинскаго епископа Кортоня Вареломея, который вынужденъ былъ вернуться безъ успѣха. Послѣ этого Геннадій продолжалъ борьбу свою съ латинствомъ въ своихъ сочиненіяхъ, подобно другимъ защитникамъ православія, какъ братъ Марка Ефесскаго Іоаннъ Евгеникъ, Сильвестръ, Сиропуль, Θεοδоръ Агаллианъ, Георгій Гемистъ, Георгій Амируци, монахъ Θεοφιλъ на о. Имбрѣ и др. (*Δάμπερος, 'Ιστ. τ. 'Ελλ. VI, pg. 866*). Результатомъ этой дѣятельности православной партіи было созваніе собора, уже въ царствованіе Константина, весною 1450-го г., въ храмѣ св. Софїи, на которомъ присутствовали патріархи Александріи, Антиохіи и Іерусалима, кромѣ того другіе шестнадцать архіереевъ, весь клиръ Вел. Церкви и нѣкоторые игумены, которые всѣ отвергли постановленія Флорентійскаго собора и низложили патріарха Григорія. Послѣдній, въ августѣ 1452 г., бѣжалъ въ Римъ, гдѣ и умеръ въ 1459-омъ году. Вѣрнымъ сторонникомъ православія еще немедленно послѣ флорентійскаго собора (онъ удалился до его окончанія) былъ и Димитрій Палеологъ.

Геннадій Схоларій былъ избранъ патріархомъ послѣ взятія Магометомъ Константинополя, на мѣстномъ соборѣ.

Епитафій блаженному и славному владыкѣ, г-ну Θεοδору Палеологу Порфирородному, *Т. В', σελ. 3—13*, печатаемый по рукописямъ бібліотеки Джероламини въ Неаполѣ, Національной бібліотеки въ Парижѣ и Эскуріальской, написанъ, согласно указанію автора въ начальныхъ его словахъ, на третьемъ мѣсяцѣ по смерти Θεοδора, и содержитъ воспоминанія, относящіяся къ Пелопоннису. Поставляя принципомъ оцѣнки судьбы человѣка не одни внѣшнія обстоятельства его жизни, но его нравственныя достоинства, ораторъ говоритъ и о всемъ родѣ Θεοδора (*σελ. 4, 19—22*): „Вѣдь и о почти всѣхъ братьяхъ его, если же угодно, и объ отцѣ и еще дальше (назадъ, въ прошлое), о дѣдѣ, мы вынесемъ сужденіе, противное истинѣ, если захотимъ составить его на основаніи ихъ злослуженій. Такъ всѣ они пострадали, подвергшись тотъ одной, этотъ другой бѣдѣ, одни почти въ теченіе всей жизни, другіе незадолго до смерти. Но что всѣ они были людьми превосходными, никто того не станетъ отвергать“. Восхваляя добродѣтель своего героя, ораторъ останавливается сначала на его почтеніи къ родителямъ — одномъ изъ первыхъ требованій еще античной морали. „Въ своемъ отношеніи къ младшимъ братьямъ“, продолжаетъ ораторъ (*σελ. 5, 13*), „онъ проявилъ себя отцомъ, и козней имъ не строя, и островъ (такъ у этихъ авторовъ, постоянно, о Пелопоннисѣ) подѣливъ наилучшимъ образомъ. Со всѣми подданными онъ обращался какъ съ свободными людьми“ . . . . и проч. Въ справедливости и кротости Θεοδоръ превзошелъ Александра и Цезаря. Особенно останавливается авторъ, далѣе (*σελ. 6, 22—7*), на укрѣпленіи Истма въ тотъ моментъ, когда угрожало Пелопоннису нашествіе султана Мурата:

„За одно только могъ бы иной попрекнуть его, не вникши въ дѣло, за то пренебреженіе извѣстнымъ Истмомъ, которое и самого его повергло въ бѣду и было причиною взятія въ плѣнъ и смерти немалого числа жителей. Но если кто не оправдаетъ этого человѣка, тому не придется шадить и его брата, который вторично укрѣплялъ его съ цѣлью охраны. Вѣдь онъ разсчитывалъ, что тѣ, ради кого стѣна сооружалась, всѣ будутъ сражаться передъ нею. Но не въ силахъ въ одиночку ни отразить враговъ, ни отправить ихъ съ пустыми руками, онъ едва нашель возможность искать спасенія въ бѣгствѣ. Правда, въ лицѣ жителей онъ могъ использовать рабочую силу, причемъ одни шли на работу добровольно, другіе поневолѣ. Но эти люди не умѣли и не желали свершать подвиговъ мужей храбрыхъ и умныхъ, и насильно къ тому принудить ихъ было нельзя, и вотъ стѣну, воздвигнутую доблестью и стараніемъ правителя, опрокинула измѣна и безразсудность стражи. Поэтому ни храбрѣйшему Константину не было бы справедливымъ отказать въ похвалахъ, какія подобаютъ человѣку, принявшему самую надлежащую и важную мѣру изъ всѣхъ, какія были въ его распоряженіи, ни брату его нѣтъ основанія предъявлять обвиненія въ томъ, если съ самаго начала стѣна стояла непрочно: малодушіе всѣхъ жителей области въ границахъ Истма одинаково вызвало паденіе стѣны и раньше, и послѣ, оно же было причиною бѣды, постигшихъ островъ послѣ этого. И подобно тому, какъ этотъ человѣкъ воздвигалъ стѣну, завѣдуя и распоряжаясь работой повсюду, но не въ силахъ былъ послѣ того спасти ее своимъ присутствіемъ, такъ тотъ когда то трудился сообща съ великимъ царемъ въ дѣлѣ огражденія, но, при всемъ желаніи присутствовать во время козней враговъ и спасать, не могъ“. Ораторъ съ горечью распространяется еще нѣсколько времени на эту тему объ отсутствіи смѣлости и выносливости у пелопоннисцевъ, забывшихъ доблести своихъ предковъ. Объ этихъ неоднократныхъ попыткахъ защитить истмъ см. *Δέμιτρος, Ἰστορ. τ. Ἑλλ., VI, 753. 787. 860.* Взятіе Истма Муратомъ имѣло мѣсто въ 1446-омъ году, въ декабрѣ. Подъ „великимъ царемъ“ разумѣется Мануиль, — императоръ и отецъ Θεодора, отстроившій запущенную со временъ Юстиніана стѣну Истма во время пребыванія своего въ Пелопоннисѣ въ 1415-омъ году.

Нѣсколько въ разрѣзъ съ обычнымъ тономъ эпитафіевъ ораторъ неоднократно намекаетъ на то, что смерть предупредила неправыя покушенія Θεодора противъ брата и императора: Θεодоръ считалъ себя обойденнымъ въ престолонаслѣдіи, хотя еще въ 1427-омъ г. онъ, было, собрался уступить деспотатъ Пелопонниса брату Константину и принять монашество. При нерѣшительности и измѣчивости настроенія Θεодора, авторъ Эпитафія не безъ основанія говоритъ о постороннемъ влияніи на него (*σελ. 10, 4 μηδὲ προδίδουσαι γλώσσαις ἀλιτηρίων ψυχῆν βουλομένην μὲν τάχαθά, τοῖς δ' ἐπὶ τὰναντία προτρέπονσιν ἐνισχημένην ὅπως*

ποτὲ καὶ ἀντιβαίνειν μὴ δυναμένην). „Счастье, что при такомъ стеченіи бѣдствій не пришлось кому л. причинить государству непоправимаго зла“ (σελ. 12, 5—6), говоритъ авторъ, намекая на тяжкія современныя обстоятельства.

Слѣдуетъ Предисловіе къ логикѣ, адресованное Геннадіемъ „высочайшему и всесчастливейшему владыкѣ, г-ну Константину Палеологу“, съ многими ссылками на греческихъ, римскихъ (Цицеронъ), латинскихъ (Теома Аквинатъ) и арабскихъ (Аверроесъ) ученыхъ, сел. 14—18, и тоже научнаго содержанія критическій трактатъ на книгу Гемиста, адресованный царицѣ, сел. 19—27; текстъ его въ использованной издателемъ рукописи (библіотеки Джероламини) не законченъ. Цитую и здѣсь рядомъ съ Гомеромъ Виргилія и рядомъ съ Демосееномъ Цицерона, Георгій Схоларій говоритъ о разногласіи въ сравнительной оцѣнкѣ Аристотеля и Платона на Западѣ и на Востокѣ. Если въ своемъ пренебреженіи Аристотелемъ и превознесеніи Платона Гемистъ ссылается на поклонниковъ Платона въ Италіи, то „мы, возражаетъ Георгій, знаемъ, кто это такіе“. „Тѣ, которые на Западѣ подлинно вникли въ философскія ученія, не такъ судятъ въ такомъ вопросѣ“ (сел. 27, 2, 12—13).

Надгробная монодія на усненіе св. отца нашего Марка, архіепископа Ефесскаго, прочитанная въ храмѣ при останкахъ, сел. 28—39, высоко ставитъ мудрость и талантъ этого столпа православія въ борьбѣ съ уніей: „покажется шутникомъ и человѣкомъ, несмыслящимъ въ еллинской музѣ, тотъ, кто вздумаетъ его рѣчи сравнивать съ нынѣшними рѣчами, а не признаетъ ихъ сродни разсужденіямъ Сократа и Платона. Благочестіе же его и чистоту ваше дѣло больше хвалить, кто на дѣлѣ преданъ добродѣтели“ (сел. 29, 17—30, 3). „Кротостью и милосердіемъ превзошелъ онъ всѣхъ, кого почитали за эти добродѣтели“ (сел. 30, 21—23). Особенно же восхваляется его вѣрность истинѣ и строгое осужденіе тѣхъ, кто уклоняется отъ истины. То, что говоритъ въ этомъ своемъ произведеніи Георгій Схоларій о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Марку Ефесскому, надо сопоставить съ завѣщаніемъ послѣдняго первому, въ его Предсмертной проповѣди (Т. А', сел. 36, 17—39, 4), и горько оплакиваетъ Георгій Схоларій разлуку съ своимъ учителемъ. Текстъ Монодіи опубликованъ на основаніи двухъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки, одной Мадридской (Эскуриальской) и трехъ Парижскихъ, сравнительно большого числа рукописей. Только рукопись Иверской обители на Афонѣ извѣстна издателю, но не была имъ использована. Двѣ Московскія рукописи, повидимому, сводятся къ одной рецензіи текста, уступающей другимъ рукописямъ. Потому въ такомъ случаѣ, какъ сел. 29, 18 *λεγομένοις Σσ: γινόμενοις ΜΠπΝ*, мы бы предпочли чтеніе второе, которое вполне возможно (*λόγους*, а затѣмъ *τοῖς νῦν γινόμενοις, τ. ἐ. λόγους*). Точно также вполне несомнѣннымъ представляется намъ, что

чтеніе *Σο ληψόμενος σελ. 35, 13*, при *ληψόμενον ΜΠπN*, предпочтено издателемъ неправильно, потому что дѣло идетъ о воскресеніи и плотию (*τὸ τοῦ σώματος . . . ἄχθος . . . ἀναθλήσει, τὰ ἅθλα τῶν ὑπὲρ τῆς ἀρετῆς χαμάτων*, о физическихъ страданіяхъ, *ληψόμενον*). Тогда получаютъ правильное отношеніе къ непосредственно предшествующему (о будущемъ воскресеніи духомъ и плотию) и дальнѣйшія слова: *νῦν γυμνῇ τῇ ψυχῇ τῆς μακαριότητος ἐμφορεῖται.*

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ тексты новаго изданія опираются на такой сравнительно полный аппаратъ. Слѣдующее въ изданіи: Утѣшающее слово царю Константину на кончину славной владычицы, матери его —, тема, коей, какъ мы видѣли, посвятилъ свое произведеніе Іоаннъ Евгеникъ, *Т. А' σελ. 56—61*. И въ разсужденіе о смерти Георгій вноситъ философскій элементъ (*πῶς γὰρ ἂν φθείροιτο νοερά οὐσα ἀνθρώπου ψυχῇ σελ. 44, 18*; ниже: *ἐνέργεια, οὐσία*). Снадобьемъ въ печали, „которая есть гнѣвъ своего рода за лишеніе любимыхъ существъ“, должна служить любовь, „истинная радость“, — а таковая есть отсутствіе желанія (*ἐπιθυμία*), вѣра, кротость, воздержаніе. Какъ всѣ эти добродѣтели украшали покойную и ими она устраняла „ядовитую печаль“, такъ въ нихъ императоръ долженъ обрѣтать себѣ успокоеніе. Духъ Св. не дастъ ему слишкомъ удручать себя этими внѣшними дуновениями (судьбы).

Опредѣленные намеки на историческія событія находимъ въ словѣ къ Димитрію Палеологу, по порученію священнаго собранія (*σύναξις*) и сторонниковъ отечества и истиннаго догмата, издаваемомъ по рукописи бібліотеки Св. Марка, *сел. 52—76*.

Георгій припоминаетъ то время, когда Димитрій былъ спутникомъ того царя, который неудачно велъ переговоры съ италійцами (вм. *μὲν τῶν Ἰταλῶν, σελ. 52, 17*, надо читать *μετὰ τ. Ἰτ.*) о вѣрѣ, и когда Димитрію „приходилось проѣзжать по многимъ городамъ и многимъ государствамъ, бесѣдовать со многими правителями и лучшими представителями общества, вступавшими съ нимъ въ знакомство, при чемъ онъ ни въ чемъ не уступалъ брату и царю, — выразиться такъ будетъ безобиднѣе, — а то и затмилъ его, хотя имъ тамъ восхищались лучшіе люди, и онъ представлялся имъ достойнымъ всякихъ похвалъ, а Димитрій, по общему отзыву, напоминалъ отца (т. е., императора Мануила, какъ извѣстно, тоже посѣтившаго Италію и Западъ, *Ἀάμπρος, Ἰστ. VI, σ. 723*), *сел. 52, 16—24*. Здѣсь имѣется въ виду отправленіе въ Италію императора Іоанна въ ноябрѣ 1437-го года, когда его сопровождалъ и Димитрій (*Ἀάμπρος, Ἰστ. τ. Ἑλλ., VI, σελ. 533*). О путешествіи Мануила въ 1399 г. авторъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ: „Вѣдь и онъ когда то прибылъ на Западъ, ради помощи оттуда нашему городу, и много было лицъ, которыя, помня его, а теперь знакомясь съ тобою, замѣчали у тебя (Димитрія) большое сходство съ нимъ и не только по внѣшности, но и во всемъ.“ Слѣдуетъ восхваленіе благороднаго характера Димит-

рія и его великой ко всѣмъ щедрости, благочестія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ той порѣ, когда, недовольный уніей, Димитрій покидаетъ Италію раньше окончанія собора: „Оставивъ брата, ты удалился въ Венецію, и мы уѣхали съ тобою, Гемистъ и я, хотя это не угодно было ни брату, ни (палѣ) Евгенію (письмо къ нему Георгія, въ числѣ писемъ сборника Ламброса см. *σελ.* 310, ер. 15 Георгія Куртези Схоларія). Но ты ставилъ благочестіе выше угоды имъ. Вѣдь ты видѣлъ, что они не по закону подвергаютъ разбору догматы. Вернувшись оттуда, ты сталъ править побережьемъ Понта вблизи нашихъ предѣловъ (см. *Λάμπρος, Τ. VI, σελ.* 869, ок. 1442-го года) такъ хорошо и достойно, что жители тамошнихъ мѣстъ еще и сейчасъ славятъ твое имя и не желали бы ничьего иного управленія, какъ твоего, если бъ возможно было, какъ будто бы и подъ управленіемъ нынѣшняго царя никогда не бывало для нихъ времени счастливѣе“.

Далѣе говорится о распрѣ Димитрія съ братомъ Константиномъ, при чемъ ораторъ благовидными выраженіями старается сгладить несправедливость притязаній въ этомъ спорѣ Димитрія: „Это несчастье скорѣе, чѣмъ несправедливость, подобно облаку, надвинувшись (*καθάπερ νέφος ἐπιπροσθῆσαν* cf. Θεод. Дафнопать, *Sermo intransl. τὰ ἐπιπροσθούντα τῇ ψυχῇ νέφη*, сар. 2, рг. 18, 9, Латышевъ) на твои достоинства, еще и теперь даетъ поводъ наговаривать на тебя неправымъ твоимъ судьямъ“. „Такъ какъ гораздо большимъ укоромъ правителю служить, если онъ плохо отправляетъ свою власть въ мирное время и предосудительно проводитъ жизнь вообще, чѣмъ если, напавъ на кого ниб. изъ чужихъ или своихъ близкихъ, въ увѣренности въ нарушеніи имъ своихъ правъ, онъ досадитъ тому, на кого нападетъ, или даже повредитъ своему достоянію“ (*σελ.* 54, 17—19, *σελ.* 54, 20—55, 1).

Нѣсколько ниже въ томъ же словѣ читаемъ: „Варваръ предлагалъ тебѣ уступить брату территорію, а давалъ вмѣсто нея другую, не меньшую, внутри страны, обѣщая помочь послѣ войны. А когда точно узналъ, что наступаютъ венгры, императора не счелъ нужнымъ беспокоить, а задобривать и пользоваться твоими услугами для защиты передъ императоромъ, если онъ узнаетъ о расположеніи, проявленномъ имъ въ чемъ нибудь къ врагамъ, и помощи его имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся, что и ты много ему будешь содѣйствовать (чит. *συμβάλεισθαι* вм. *συμβάλεσθαι*), выступая его соратникомъ, не увеличеніемъ его боевой силы, но молвою о томъ, что союзникомъ его является братъ императора. И онъ рассчитывалъ, что такимъ путемъ станетъ и для нападающихъ грознѣе, и встрѣтитъ сочувствіе христіанъ въ Европѣ и ихъ содѣйствіе въ данныхъ обстоятельствахъ. Но тебя интересовала больше выгода всѣхъ христіанъ, чѣмъ личная польза, отъ чего иной съ трудомъ отказался бы . . . . Но ты просителемъ передался брату и не далъ возможности императору злопамятствовать, хотя бы онъ и желалъ того. Онъ уважилъ твою добродѣтель и былъ тебѣ призна-

теленъ за то, что ты принялъ рѣшеніе, самое выгодное для всѣхъ. И вотъ онъ тебя любилъ и тутъ же почтилъ тебя. Но, не знаю какъ то очень долго задерживалъ то воздаяніе, какое подобало. Подобало, конечно, отдать тому, кто не только пересталъ вредить, но и проявилъ величайшую разсудительность и на дѣлѣ далъ множество доказательствъ своихъ достоинствъ, его состояніе съ прибавкой къ нему и относиться къ нему впредь какъ къ человѣку самому вѣрному . . . . Но ты терпѣлъ нужду, давившую весь твой домъ, и возлагалъ надежды на Бога.“

„Затѣмъ, изъ твоихъ братьевъ Θεодоръ открыто выступилъ въ боевомъ строю на императора, но ты остался и готовился помогать самому императору и правому дѣлу. Но императоръ, зная, что тѣмъ тебя обижаетъ, но не желая самъ устранить несправедливость изъ боязни, какъ бы очень легко дѣло не дошло еще до взаимнаго нападенія съ твоей стороны (думаемъ, что слѣдуетъ читать *προαχθείης*, а не *προαχθείη*) и содѣйствія брату въ его оборонѣ, запираетъ тебя во дворцѣ и приставляетъ стражу. И нерушимость клятвъ, — увы! — уступила страху, подступавшему скорѣе въ виду притѣсненій, тобою претерпѣваемыхъ, чѣмъ въ виду дѣйствительнаго твоего возмущенія. Но тебя спасаетъ блюститель справедливости и клятвъ, внушивъ тебѣ шагъ, который былъ по мысли самымъ благоразумнымъ, но самымъ труднымъ для исполненія безъ помощи и благоволенія Бога. Оказавшись, благодаря Бога, въ опасности, ты не злопамятствовалъ, гнѣвъ не побудилъ тебя чѣмъ либо отплатить, хотя ты имѣлъ къ тому благопріятный случай: братъ просилъ тебя помочь ему, обѣщая многое въ случаѣ, если, добившись того, къ чему стремился, будетъ въ состояніи отплатить тебѣ подобающимъ образомъ. Тогда проявивъ свое благорасположеніе къ императору больше, чѣмъ раньше, ты доказалъ, что тѣ толки были по истинѣ клеветой обвинителей и безосновательной нелѣпностью и малодушіемъ и пустымъ опасеніемъ по подозрѣнію того, кто имъ повѣрилъ. Императоръ счелъ нужнымъ, хотя поздно, оказать справедливость, но въ угоду негодованію брата, который возмущался твоею славой, острова отдалъ тотчасъ, но прежнюю власть медлилъ отдавать. Когда же ты оказывалъ повиновеніе, и живучи на островахъ, младшій братъ не переставалъ снова писать и ходатайствовать черезъ пословъ, чего-чего не давая, чего-чего не обѣщая въ будущемъ. Но ему ты не удостоилъ и отвѣтить, а старшему, когда онъ посылалъ за тобою въ своихъ выгодахъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что многіе замышляютъ возмущеніе, хотя предпріятіе это и было сокрушено не въ должномъ времени, и ему нужно было твое сообщество, ты благоразумно повиновался. Однако надобность эта прекратилась еще раньше твоего прибытія, при чемъ битва разрѣшилась смертью. Но онъ все равно охотно принялъ тебя и все употребилъ, чтобы показать тебѣ по-царски свою благосклонность. Онъ тотчасъ намѣревался и выполнить обѣщанія

на дѣлѣ и отдать тѣ города. На грамотѣ они были отданы давно. Но между тѣмъ смерть похитила его самого“ (σελ. 55, 20—57, 18) . . .

„Умеръ императоръ“, продолжаетъ немного ниже (σελ. 57, 29) авторъ, „а тебѣ всѣ, кромѣ немногихъ, совѣтовали принять высшее званіе (т. е., императорское), которое давалось тебѣ въ руки и въ захватѣ которой иногда и частнымъ лицамъ не приходилось каяться, тебѣ же, говорили, императоръ-отецъ, братъ, бывшій незадолго до того императоромъ, и то обстоятельство, что ты при смерти его получилъ въ свое распоряженіе власть и несъ бремя государственныхъ дѣлъ, будетъ, говорили, не меньшимъ оправданіемъ для тебя, чѣмъ преимущество возраста, и подобными доводами тебя подзадоривали явно выступить съ притязаніемъ на высшій санъ, но ты, болѣе руководимый собственной натурой, а если и нужны были совѣтники, довѣряясь не этимъ, опрометчивымъ, а самымъ благоразумнымъ, и полагая, что императорская власть принадлежитъ скорѣе тому, кто предпочитаетъ охранять подданныхъ, инсигнии же ея не принесутъ пользы тому, кто причиняетъ государству распрю и погибель, счелъ нужнымъ стяжать славу и хвалу спасеніемъ и прочностью цѣлаго государства, и потому въ удивительной послѣдовательности провелъ все дѣло, никоимъ образомъ не покусившись на государственную власть, но ходатайствуя о мирѣ, храбро выступая противъ враговъ, заботясь объ охранѣ стѣнъ и помогая старшему изъ братьевъ пріобрѣсти царскую власть, какъ бы отъ Бога поставленный опекуномъ спасенія государства и охраны города. Правда, клеветники выдумывали многое, желая смутить твою душу, но ты былъ непоколебимъ. Для тебя не оставалось тайною, откуда первоначально сѣялись такіе слухи и кто подхватывали сѣмена, ихъ возвращали и ради чего. А я, клянусь святою истиною, часто поражался твоею выносливостью, гораздо больше, чѣмъ прочимъ великодушіемъ твоимъ и предусмотрительностью, и увѣренъ вполне, что, если бы не мѣшали крики и досажденія клеветниковъ, ты бы, взявшись за дѣло еще энергичнѣе, и заключилъ бы договоръ съ врагами, и власть въ цѣлости здорово отдалъ бы вернувшемуся съ Пелопонниса брату-императору, и весь округъ не подвергался бы опустошенію, не посѣтила бы острова та бѣда, никогда въ такой степени не посѣщавшая ихъ въ наше время“ (— 58, 27). Здѣсь дается чрезвычайно натянутое, въ цѣляхъ оправданія политической дѣятельности Димитрія Палеолога, за котораго авторъ стоитъ какъ за вѣрнаго сторонника православія противъ уніи, изложеніе событій со времени измѣны Димитрія, когда, не смотря на уступку ему Константиномъ его старыхъ владѣній въ Пелопоннисѣ, онъ, весною 1442 г., предпринимаетъ походъ на Константинополь съ немалымъ числомъ турокъ (*Ἀσμπροσ, Ἰστ. τ. Ἑλλ. VI pg. 867 sq.*). Но обѣщанная султаномъ Димитрію помощь не могла быть велика, такъ какъ первому приходилось думать въ это время объ отпорѣ венграмъ подъ начальствомъ Гуніада въ Сербіи. Вскорѣ послѣ

того послѣдовало нѣкоторое соглашеніе съ братомъ императора Іоанна, при чемъ Дмитрій являлся въ Константинополь. /Потомъ онъ порвалъ эти дружественныя сношенія съ Іоанномъ и вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ Матѳеемъ Асаномъ преданъ заключенію. Когда ему затѣмъ удалось бѣжать изъ тюрьмы, произошло снова соглашеніе между братьями и Дмитрій снова получилъ ту область на побережьи Чернаго моря, какая ему была предоставлена раньше. Вѣроятно, это было незадолго до смерти императора Іоанна, такъ какъ въ 1443—1448 гг. правителемъ Силивріи и ея территоріи былъ Θεодоръ, умершій здѣсь отъ поваральной болѣзни въ чинѣ монаха (*Αάμπρος, σελ. 886 πβ. σ. 904*). Это обстоятельство, что Дмитрій во время смерти императора Іоанна находился въ непосредственной близости отъ него, и должно было сдѣлать его фактически его замѣстителемъ во время его болѣзни и въ ближайшіе дни по его кончинѣ. Іоаннъ умеръ 31 октября 1448 г. Уже 13 ноября пріѣхалъ изъ Пелопонниса Θομα. Что касается Константина, посольство явилось къ нему въ Пелопоннисъ уже съ прямымъ предложеніемъ короны, послѣ того какъ партія его въ столицѣ, во главѣ коей стояли и мать его Елена, и братъ Θομα, восторжествовала надъ притязаніями Деметрія.

„Когда, говорить потомъ авторъ (*σελ. 59, 24*), предстояло, съѣхавшись, обсудить сообща, должно ли тебѣ отправиться въ Пелопоннисъ и тамъ оставаться, пользуясь прежнею властью, ты не поколебался предложить то, что было дѣйствительно полезнымъ, хотя зналъ, что не угодишь этимъ, но готовъ былъ выполнить все, что признаютъ за полезное прочіе. Итакъ, въ то время, какъ тебѣ представлялась возможность, оставаясь въ отечествѣ, получать иждивеніе съ Пелопонниса, и во первыхъ, то, ради чего нѣкоторые совѣтуютъ измѣнить благочестію и что мечтаютъ получить отъ латинянъ, представлялось возможнымъ получить городу съ сохраненіемъ благочестія, триста людей, содержаемыхъ на средства съ Пелопонниса, людей, которые, будучи соплеменниками, стоили бы вдвое противъ тѣхъ, кто вступали въ городъ откуда ниб. съ чужбины, во вторыхъ, въ случаѣ, если бы даже произошло что л. нежелательное, хотя и не сверхъ ожиданія, въ тотъ же моментъ быть среди насъ тому, кто могъ взять дѣло въ свои руки, а не подвергаться намъ, если случится, тому, что претерпѣли, осуждали, предсказывали, — и такъ и случилось, при предшествующемъ императорѣ —, не воспользовавшись даже своимъ опытомъ, въ пору, когда, быть можетъ, положеніе враговъ будетъ сильнѣе, а наше — слабѣе, по многимъ причинамъ, излагать которыя было бы долго; итакъ, когда представлялась возможность быть этому такъ и тебѣ избавиться отъ трудовъ, ты повиновался, такъ какъ не то угодно было собранію, но то, что состоялось и что да будетъ на пользу“.

Объ этомъ свиданіи братьевъ и о его результатѣ, дѣлежѣ Пелопонниса между Дмитріемъ и Θοмой (см. *σελ. 60, 23 εππ.*), имѣвшемъ

мѣсто въ 1449-омъ году, мы знаемъ, что оно скорѣе имѣло цѣлью предупредить борьбу братьевъ. Отсюда и тѣ „страшныя клятвы“, о которыхъ говорить и авторъ данного слова (срв. объ этомъ свиданіи *Αξιπρος, Ἰστ. τ. Ἑλλ.* VI, pg. 930).

„Ты немедленно отправился на о-въ (т. е., въ Пелопоннисъ)“, читаемъ нѣсколько ниже (σελ. 61, 14), „на что дерзнули бы немногіе, такъ какъ въ это время почти всѣ крѣпости были захвачены, тамошніе варвары перемѣнили фронтъ, а привычка была на сторонѣ противниковъ, что много значить. Ты встрѣтился съ тѣмъ, что для тебя не было такою неожиданностью, чтобы ты, поразившись ею принять какое либо другое рѣшеніе, но столкнувшись съ тѣмъ, подобнаго чему ты ожидалъ и что выдержать и съ чѣмъ бороться давно было рѣшено тобою, съ великою разсудительностью дѣлалъ, что было утверждено, что тебѣ надо было, императору было приятно, намъ всѣмъ полезно. Вѣдь ты боролся не за свои только права, но за этотъ несчастный островъ грековъ, который скорѣе бы погибъ отъ вашихъ раздоровъ, если бы кто своекорыстно заставлялъ защищаться того, кто не сноситъ этого (его господства). Была борьба также за благочестіе и за всякую добродѣтель“.

Вторая часть слова посвящена темѣ (*κεφάλαιον*) о благочестіи (σελ. 64 *ἐπι.*) и трактуетъ вопросъ о догматѣ исхожденія св. Духа, при чемъ авторъ перечисляетъ рядъ авторитетовъ (σελ. 65, 27 *ἐπι.*): „Твоего отца и мудрѣйшаго императора, Нила Солунскаго, Нила Константинопольскаго, патріарха Филооея, Теофана Никейскаго, патріарха Григорія, мужа, не уступающаго никому изъ самыхъ древнихъ, святой соборъ при немъ избранныхъ свыше 97-ти, Григорія Солунскаго, патріарха Германа и постановленія, имъ и при немъ проведенныя. Умалчиваю о свидѣтельствѣ со стороны враговъ, Варлаамъ. Опускаю Евстратія Никейскаго и то, что при немъ было изобличено и проведено, Иоанна Россійскаго, по прозвищу Христа, Льва Болгарскаго, Теофилакта тоже Болгарскаго, Николая Меонскаго, Никиту, прозваннаго вселенскимъ учителемъ, гипата философовъ Пселла, другихъ безчисленныхъ, мудрѣйшаго изъ императоровъ Льва и блаженнаго Фотія, зачисляемыхъ во всякій чинъ и санъ, которые всѣ, въ многихъ и смѣлыхъ книгахъ, сохраняющихся до нашего времени, изобличаютъ тѣхъ, кто объявили въ символѣ вѣры Сына Божія началомъ или причиною Св. Духа“. Подъ конецъ этого богословскаго разсужденія, какъ высокій авторитетъ, цитуются и Маркъ Ефесскій (σελ. 74, 19—27), вѣрный и самый способный защитникъ отеческаго догмата.

Смиреннаго схолярія Геннадія по поводу суетнаго, и безразсуднаго, и неразумнаго новшества въ вѣрѣ, по оставленію Бога, σελ. 77—88, написано въ повышенномъ, страстномъ тонѣ, въ изобличеніе отступленія сторонниковъ уніи отъ правой вѣры. Приписка къ заглавію гласить: „Это найдено въ Галлиполи послѣ взятія“ (Константинополя). Авторъ сѣтуетъ на то,

что суждено было вернуться временамъ Векка и его согласниковъ (σελ. 82, 5) съ ихъ заблужденіями. Текстъ напечатанъ по рукописямъ Аѳинской Национальной бібліотеки и Синодальной Московской.

Защитительная или оправдательная рѣчь къ императору (Константину Палеологу), *σελ.* 89—105, написана въ то время, когда стало извѣстнымъ о скоромъ прибытіи папскаго посла съ условіями договора съ Западомъ (*σελ.* 90, 3—15). Въ началѣ упоминается (*σελ.* 89, 13) посольство Вріеннія. Здѣсь разумѣется Андроникъ Вріенній Леонтарисъ, посолъ въ Римъ 1451-го г. (*Λόγιος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλ.*, VI, 918—919). И здѣсь Схολарій ссылается на свой договоръ съ Маркомъ Ефесскимъ (*σελ.* 93, 3), „потому что Богъ всегда просвѣщалъ сердце мое отринуть всякую честь и пользу человѣческую, откуда бы она не подавалась и не обѣщалась и многіе опасности и страхи, и поврежденія и клеветы съ тѣхъ поръ и до сего времени считать за ничто ради любви къ истинѣ“. Авторъ говоритъ о своемъ намѣреніи „явиться во дворець и говорить, даже безъ приглашенія со стороны твоей державы, хотя прочее время не имѣлъ доступа, говорить не о постѣ, не о милостынѣ, не толкованіе какого либо отрывка св. евангелія, но о томъ, какъ надо подготовить души всѣхъ гражданъ къ двумъ вещамъ, во первыхъ, къ служенію Богу. . . , во вторыхъ, къ помощи отечеству (I. τῆ πατριδι) и себѣ и къ избавленію отъ подозрѣваемыхъ опасностей, и о томъ, что, если не опорожняты кошель своихъ и ларцовъ состоятельные люди, — и возможно, что не опорожняты, — не только погрѣшать, какъ граждане и противъ гражданскихъ законовъ, каковыя соблюдаются и выполняются всюду и въ этомъ сосѣднемъ государствѣ латинянъ, и не только окажутся неразумными въ заботѣ о личномъ самосохраненіи, но и подпадутъ многимъ смертнымъ грѣхамъ предъ Богомъ и станутъ достойными вѣчной кары за то, что изъ за сбереженія денегъ не только губяты состояніе свое, но и себя, — чего да не будетъ никогда, но каждый въ свою долю предаетъ отечество, вѣру, богослуженіе, могилы предковъ, почти всю вселенную подвергаетъ одинаковымъ бѣдствіямъ, а и одинъ этотъ грѣхъ объемлетъ собою всѣ смертныя грѣхи“ (*σελ.* 95, 21—96, 14). . . „Вотъ что и тому подобное хотѣлъ я сказать и ни робость, ни любовь къ уединенію, ни другое что л. не воспрепятствовало бы мнѣ. Но все же и побужденный божественною Твоею Державою притти и сказать, я не явился. Зная и предугадывая ранѣе эти новости изъ Италіи, я предпочелъ молчать, уступая сильнѣйшей неизбѣжности. Я зналъ, что, прежде всего и самое главное, не буду имѣть права сказать о вѣрѣ, безъ чего тщетно было бы мнѣ говорить, а слушателямъ слушать, а сказавъ о ней убѣдить, и отсюда просить первой помощи, помощи отъ Бога и ее ставить въ основу. Если же хочешь, наилучшій государь, получить пользу и ты, и прочіе, оттуда, откуда, полагаю, постоянно будетъ приходить спасеніе отъ Бога и этому городу, причемъ я буду говорить свободно, а вы немедленно

выполнять, я готовъ по возможности ежедневно къ этому“ (pg. 96, 24—97, 5). И авторъ приступаетъ къ своему разсужденію противъ уніи.

Вотъ въ чемъ, такимъ образомъ, ожидала православная партія спасенія въ самые послѣдніе даже годы передъ паденіемъ Константинополя. Въ твердости вѣры, а, съ матеріальной стороны, въ широкомъ и щедромъ жертвованіи на общее дѣло защиты православія и отечества состоятельныхъ людей.

Въ концѣ этой рѣчи Георгій говоритъ о томъ, какъ раньше, въ свѣтскомъ званіи, ежедневно обходилъ онъ почти весь городъ и возбуждалъ рвеніе благочестивыхъ, теперь же монашескій санъ препятствуетъ этому (сѣл. 104, 6—8); слѣдующее посланіе Константину имѣетъ въ рукописи заголовокъ: „Было написано, когда онъ, т. е., Георгій, удалился изъ дворца и монастыря Вседержителя, гдѣ прежде жилъ въ свѣтскомъ званіи, и удалился въ общежитіе Харсіанита, и готовился къ монашескому сану“ (сѣл. 106—119). Это посланіе содержитъ въ началѣ автобіографическія сообщенія, о побужденіяхъ къ принятію монашескаго сана Георгіемъ, при чемъ, въ частности, онъ указываетъ, что гнѣвъ императора Іоанна за его настойчивость въ борьбѣ за истинные догматы заставлялъ его и по неволѣ принять на себя Христово бремя и удалиться на покой, какъ и другіе многіе, избѣгая большой бѣды, подчинялись болѣе легкой. Но новыя клеветы постигли Георгія и въ его мирномъ убѣжищѣ. Стали внушать императору, что онъ смущаетъ духовенство къ сомнѣнію въ правой вѣрѣ императора и къ отказу ему потому въ тѣхъ церковныхъ почестяхъ (т. е., поминаніи за церковною службою), какія обыкновенно воздаются благочестивымъ царямъ (срв. еще объ этихъ обвиненіяхъ въ невѣрности царю сѣл. 109, 29—31). „Я же, говоритъ Георгій, „одобрялъ, дѣйствительно, тѣхъ, кто такъ рѣшили, но преслѣдуя выгоду твою и вѣры, но не обращая вниманія на вымыслы, ходившіе въ толпѣ. И всѣ были одинаково однихъ убѣжденій и никто не былъ такъ негоденъ, чтобы, содѣйствуя вѣрѣ получить какой то новый образъ, губить ее вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ достояніемъ и домашними раздорами поднимать враговъ на отечество. . . Мы обвиняемъ, говоритъ далѣе Георгій, съ намѣкомъ, вѣроятно, на распри между Палеологами изъ за владѣній и правъ на тронъ, только тѣхъ, кто обличаются въ явно противозаконныхъ покушеніяхъ и въ томъ, что не щадятъ усилій овладѣть предметомъ своихъ домогательствъ, во что бы то ни стало. А домогаться бѣльшаго присуще человѣческой натурѣ, малымъ и великимъ одинаково. . .“ (сѣл. 107, 36—108, 13). Все это посланіе стремится разувѣрить Константина въ измѣнническихъ цѣляхъ Георгія.

Слѣдуетъ обращеніе къ гражданамъ, которое „было пригвождено къ двери помѣщенія, 1-го ноября, послѣ прибытія кардинала“ (сѣл. 120—121). „Посланіе церковникамъ, великому епископу Сильвестру и великому хартофилаксу Агалліану, въ день, когда церковники были

приглашены во дворецъ Ксилалы. Это было первый разъ послѣ того, какъ все по своему устроилъ кардиналъ и три архіерея въ тотъ годъ, 15-го ноября“ (σελ. 122—128), списокъ сочиненій Георгія, посылаемыхъ неизвѣстному лицу (σελ. 129—130), объявление, „разосланное по всему городу во многихъ копіяхъ за шесть мѣсяцевъ до взятія города, имѣвшаго мѣсто 29-го мая (σελ. 131—135), проповѣдь въ праздникъ Введенія во храмъ, „прочитана въ первый разъ въ монастырѣ τῆς Περιβλέπτου, въ присутствіи царя Константина и многихъ изъ синклита“ (σελ. 136—148), Проповѣдь, сказанная въ святую, великую пятницу (σελ. 149—150), Слово по взятіи города и отказѣ отъ архіерейства (σελ. 151), Молитва о спасеніи Пелопонниса (σελ. 152—157), другая молитва о томъ же, Прославленіе блаженнаго Леонтія, того, что въ Ахайѣ (σελ. 161—168), Діалогъ между Ольбіаномъ, Евлогіемъ и Венедиктомъ (σελ. 169—170), О душѣ (начало, сελ. 171), стихотворныя произведенія Геннадія Схоларія, за которыми идетъ стихотвореніе Франциска Филельфо (σελ. 177—178), уже изданное Леграномъ, въ его Cent-dix lettres grecques de François Filelfe, p. 214. Письмо Димитрію Раулю Кавакису, сел. 178—181, напечатано у Леграна тамъ же, стр. 313—314. Къ сожалѣнію, и разночтенія Леграна не всѣ приведены въ точности, и съ поправками Ламброса традиціи текста не всегда можно согласиться. Есть, какъ и вездѣ въ изданіи, немаловажныя опечатки, какъ въ стихотвореніи Филельфа, ст. 40 πόρου, гдѣ надо и правильно у Леграна: πόρου. Поправка, тамъ же, ст. 19, πάσιν вм. πάσιν необходима, если не читать πάσαν τὴν ἀρετὴν, винит. отношенія при μέζονα, при чемъ при δέον подразумѣвается εἶναι изъ предшествующаго ὄντα: „ни править людьми, не будучи выше ихъ всяческой добродѣтели, въ то время какъ царю надлежитъ быть такимъ“. Знаки препинанія въ стихотвореніи Филельфо въ изданіи Леграна размѣщены правильнѣе (напр., ст. 7 χεῖρα δός, ὃ ἡμῖν γλυκερὴ χεῖρ. ἀλλά . . . , потому что ἀλλά съ слѣдующимъ повелительнымъ обыкновенно стоитъ въ началѣ фразы). Въ письмѣ къ Димитрію возстановленъ пропускъ изданія Леграна сел. 180, 16 οὐ καταφρονήσας ἀντεῖπεῖν ἀντεῖπεν, но не отмѣчено разночтеніе Леграна сел. 180, 19 συνηγορηκός, не отмѣчено, несомнѣнно лучшее чтеніе сел. 180, 27 ἢ (Λάμπρος. καὶ) ἄλλων, и подъ конецъ письма сел. 181, 7 οὐ πάνυ у Ламброса, πάνυ у Леграна. Ниже, вм. 10 ἀποδέχου (опечатка), ἀποδέχουθαι Legrand. Вообще въ изданіи нѣтъ надлежащей точности и тщательности. Къ его текстамъ приходится относиться съ осторожностью и, въ случаѣ наличности другого изданія, провѣрять ихъ.

Сборникъ писемъ Георгія Схоларія, которому отведена осталъная часть II-го тома разбираемаго изданія, открывается перепиской Георгія съ Лукой Нотарой (причемъ включены и письма этого послѣдняго), опубликованной еще Буассонадомъ, въ V-омъ томѣ его

Anecdota graeca e codicibus Regiis (Paris. 1838), *σελ.* 182—212. Большая часть этих писем почерпнута из рукописи туринской, погибшей, послѣ того, во время пожара въ январѣ 1904-го года (см. *σελ.* 213, *σελ.* 222, *σελ.* 224). Письмо безъ имени адресата, *σελ.* 213—214, обращено къ высокому сановнику, такъ какъ онъ имѣетъ частый доступъ ко двору (см. 214, 22) и находится въ пути (Спарта упомянута, 213, 18), по порученію ему императора. Ер. 2, письмо брату императора сопровождало посылку какого то Слова, при чемъ общается другой трактатъ, требующій больше досуга. Здѣсь есть ссылка на нѣкоего Караваса, корреспондента адресата. Ер. 3, великому хартофилаксу Вальсамону, *σελ.* 216—217 — ходатайство за женщину, которой Геннадій многимъ обязанъ, о защитѣ ея отъ обидъ и оскорбленій дѣйствіемъ лицамъ, носящимъ духовный санъ. Письмо относится во всякомъ случаѣ къ порѣ, когда Геннадій не былъ еще монахомъ. Онъ называетъ себя *ὁ τῆς αὐλῆς ἀρχων*, того двора, гдѣ жила упомянутая женщина. Ер. 4 — Марку Липпоману въ Венеціи, „писано изъ Флоренціи“, значитъ, когда Геннадій ѣздилъ на соборъ. Здѣсь идетъ рѣчь о дружбѣ съ нимъ вслѣдствіе общности научныхъ интересовъ Ласкариса, приславшаго Геннадію письмо о книгѣ. Липпоманъ является въ числѣ адресатовъ Филельфа, см. Легранъ, стр. 4, примѣч. 2. Ласкарисъ, — вѣроятно, Алексѣй, см. тамъ же, стр. 294, въ письмѣ Юанна Евгеника Виссаріону. Въ письмѣ Геннадія упоминается о порученіи Липпоману управленія о—вомъ Критомъ, куда Геннадій мечталъ съѣздить, но исполнить намѣренія не могъ вслѣдствіе даннаго императору обѣщанія прибыть въ Италію. Ер. 5, Амвросію Траверсари, адресату и Филельфо (см. Легранъ, ер. 2, отъ 7 марта 1428 г.), связано тоже съ путешествіемъ Геннадія въ Италію: Геннадій проситъ игумена отвести ему какой-либо уголокъ въ его монастырѣ. Ер. 7, *σελ.* 222—224, безъ имени адресата. Въ письмѣ упоминается Асанъ, *σελ.* 223, 32. Ер. 8 — Филельфо въ Миланѣ, упоминаетъ о благосклонности, съ какою императоръ прослушалъ его письмо. Геннадій распространяется здѣсь о своихъ обязанностяхъ судьи. Дѣло Петра, о которомъ здѣсь говорится, тоже подлежитъ компетенціи Геннадія какъ *καθολικός κριτής*, въ каковомъ званіи онъ ѣздилъ на соборъ въ Италію (*Λάμπρος, Ἰστ. τ. Ἑλλ., VI, 834*). Въ письмѣ упоминается о разладѣ императора съ братьями *σελ.* 224, 13—225, 2. Ер. 9, принцепсу Никифору Хейласу въ Пелопоннисѣ, восхваляетъ стиль письма адресата и говоритъ о дружбѣ его къ Геннадію. Ер. 10 адресовано императору Константину Геннадіемъ, въ заголовкѣ названномъ здѣсь патріархомъ, написано по поводу посылки дорогого морского звѣря для трапезы (см. *σελ.* 229, 18—25). Ловля его ограничена, по свидѣтельству Геннадія, особымъ закономъ. Ер. 11, безъ имени адресата, писано, судя по упоминанію *σελ.* 231, 27 и по заголовку слѣдующаго письма, Писію на о. Критъ. Ер. 13 — Асану на Лемнось. Въ началѣ письма

говорится о наступленіи варваровъ (турокъ), грозящемъ смутю отечеству. Далѣе, Геннадій говоритъ о внутреннемъ разладѣ въ государствѣ. Ер. 14 — императору Трапезунтскому, гдѣ упоминается о посольствѣ Амируци, благодаря коему слава царства распространяется и въ Италиіи и еще далѣе. Письмо Георгію Амируци Филельфа издано Леграномъ, см. pgg. 120, письма ему Іоанна Евгеника *ibid.*, pg. 303. 304. Изъ послѣднихъ ер. 13 отправлено при посылкѣ эпитафія Марку Евгенику и выражаетъ увѣренность въ стойкости православія Амируци. Ер. 15 — номофилаксу Іоанну Евгенику въ Пелопоннисѣ, *σελ.* 237—241, написано по поводу присылки Геннадію того же эпитафія Марку, причемъ Геннадій жалуется на обстоятельства на своей родинѣ въ противоположность положенію дѣла въ Пелопоннисѣ, гдѣ адресать въ почетѣ у своего владыки. Ер. 16 — письмо Марку Евгенику по поводу посылки ему сочиненія объ Аристотелѣ, гдѣ авторъ касается своего отношенія и къ Гемисту Плевону. Ер. 17 — безъ имени адресата, къ которому Геннадій обращается съ увѣщаніемъ о вѣрности истинѣ и благочестію. Лицо, къ которому пишетъ Геннадій, хочеть отказать отъ своего сана и предпочеть частную жизнь, пока церковь не вернется къ своему надлежащему положенію (*σελ.* 246, 19—21). Ер. 18 — „мудрѣйшему и благочестивому князю, г-ну Мануилу Раулю (*τῷ Μανουὴλ*), *σελ.* 247—265, представляетъ цѣлый богословскій трактатъ. Рядъ другихъ писемъ того же Георгія Схоларія, *σελ.* 266 *ἑππ.*, озаглавленъ какъ письма Георгія Куртезія Схоларія. Въ этомъ отдѣлѣ изданія находимъ письма ученикамъ, научнаго содержанія, особенно ученику Іоанну. Но есть здѣсь и письма, касающіяся дѣла уніи, ер. 5, *σελ.* 286. Далѣе слѣдуютъ письма владыкѣ г-ну Θεόδору, ер. 6, 7, Виссаріону ер. 8, 14, Димитрію Макріану ер. 9, монаху Макарію ер. 10, императору ер. 11, Іоанну діакону Евгенику ер. 12, владыкѣ г-ну Константину ер. 13, папѣ Евгению ер. 15, Алексѣю Ласкарису ер. 17, эфесскому митрополиту Марку Евгенику, Симонидѣ Палеологѣ *τῷ Ἀσωνίῳ*, ер. 19.

Всѣ эти письма содержатъ нѣкоторый новый матеріалъ для характеристики автора и его корреспондентовъ, эпохи вообще и отношеній между различными партіями того времени. Будущій историкъ воспользуется ими какъ подлиннымъ современнымъ источникомъ, между прочимъ особенно по исторіи уніи 1438-го года.

Новое изданіе Ламброса, такимъ образомъ, является богатымъ вкладомъ въ запасъ нашихъ источниковъ по исторіи послѣднихъ десятилѣтій византійской исторіи и по литературѣ этой поры. Что касается обработки текстовъ, то обстоятельство, что многіе изъ нихъ опубликованы по очень немногимъ или даже по одной рукописи, не могло не отразиться на ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Довольно многочисленны опечатки.